

СМЕНА

12
1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЛИЗА ГУБАРЁВА

БИБЛИОТЕКАРЬ

Высокие стеллажи. На полках аккуратно расставлены книги. Их здесь тысячи — с красными, голубыми, жёлтыми корешками.

— Это наши друзья, — улыбаясь, говорит заведующая библиотекой клуба Лиза Губарёва. Девушка бережёт один из томов и продолжает:

— Книги помогают людям строить, бороться, жить... И после небольшой паузы добавляет: — Мы, библиотекари, стараемся помочь людям понять книгу, сдружиться с ней...

Лиза Губарёва всего два года работает в библиотеке. Но уже много изменилось здесь: значительно пополнился книжный фонд, увеличилось число переданных библиотек, которые обслуживают жилые дома фабрики, удивился состав читателей. В этом деле комсомолке помогала горячая любовь к книгам. Ещё с самого раннего детства Лиза тянулась к ним. Она прочитала много книг. Произведения великих писателей — Пушкина, Гоголя, Некрасова, Горького — способствовали её росту, учёбе.

А когда Лиза стала комсомолкой и, окончив десятилетку, поступила работать ткачихой на фабрику, ей захотелось помочь друзьям разбираться в книгах, любить их.

Губарёва часто посещала библиотеку, стала лучшим активистом её. Она вместе с заведующей библиотекой Марией Ивановой Анисимовой обрабатывала новые книги. Лиза клеила кармашки, вкладывала в них карточки, на книги

ставила штампы. Она одна из первых прочитывала новые книги, участвовала в читательских конференциях...

А теперь ей самой помогает многочисленный читательский актив. Это приглянулись Милутина, воспитательница обшежития Ширманова, браковщица Мисухальшина и многие другие.

Разве она одна, без них, могла бы организовать в цехах и обшежитиях читку книг и беседы о книгах!

Библиотека стала одним из излюбленных мест рабочих фабрики. Особенно многолюдно здесь во время выборов кампаний, в юбилейные дни и в дни встреч с писателями. Тогда значительно увеличивается приток читателей, вырастает спрос на книги, расширяется круг читательского актива. Это всегда радует сердце молодой заведующей библиотекой.

Решая организационные вопросы как заведующая библиотекой, Губарёва никогда не уходит от кропотливой работы с читателями. Она повседневно помогает им в выборе книг. Делает это девушка с тактом, изучая запросы и интересы каждого. В работе ей помогает знание читателей: она с ними бок о бок стояла у станка.

Лиза заметила, что молодую ткачиху Таю Буладову сильно заинтересовала повесть Бека «Волоколамское шоссе». Тогда она предложила девушке почитать «Молодую гвардию», а затем посоветовала взять «Классный пропуск». Таия с восторгом отзывалась об этих книгах и благодарила библиотекарю.

Губарёвой было радостно видеть, как расширяется круг интересов читателей, как они приобретают всё новые и новые знания. На её глазах выросли, стали серьёзно разбираться в книгах Мария Ликанова, Людмила Игнатовна.

Работа с людьми обогатила Лизу. Расширились её знания, вырос и ав-

торитет среди рабочих фабрики. Она умеет вовремя прийти на помощь, и дать нужнейший жизненный совет. Девушка знала, что Римма Янченко часто не находила для себя занятия в свободное время. Однажды Губарёва увела её с собой в библиотеку, заинтересовала книгами. Но Римме было трудно разбираться в прочитанном: она училась всего несколько лет. Лиза предложила ей поступить в вечернюю школу.

— Я всё забыла, — отмахнулась Янченко, — не пойдёт учёба. Да и зачем? Я поступила в школу кройки и шитья — буду закройщицей.

Тогда Лиза принесла Римме книгу о кройке и шитье. В книге были сложные чертежи и рисунки, в которых разобраться Римме не смогла. Она поняла, что без учёбы трудно жить, и подала заявление в вечернюю школу. По дружескому настоянию Лизы поступила учительша Маруся Филатова, Ася Иванова.

Большая дружба завязалась у Лизы Губарёвой с детьми. Она любит детей. В библиотеке ею организовано отделение детских книг. Сейчас целые ватаги ребят приходят к «тёте Лизе» выбрать интересную книжечку.

Валерогана задача библиотекаря — сдружить людей с книгой. Это хорошо знает Лиза. Её молодая энергия, комсомольский задор служат решению этой важной задачи. Но работа библиотекаря требует больших знаний. Поэтому девушка настойчиво учится. Скоро она окончит филиала Московского текстильного техникума при фабрике имени Фрунзе. Мечта её — получить высшее образование. Уже сейчас Лиза Губарёва готовится к поступлению в Библиотечный институт, чтобы в совершенстве овладеть специальностью.

Д. СМЕРНОВ

Первый штурман парохода «Правда»
Александр Бухалов. Пароход «Правда»
будет курсировать по Волго-Донскому
судоходному каналу.
Фото А. Моклецова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июнь. № 12. 1952 год.

Год
издания
29-й

Начальник земснаряда Виктор Хлюст спустился в машинный зал. — Посмотрим схему электрооборудования, — сказал он, обращаясь к телеинженеру Николаю Хруцкому.

МОЛОДОЙ СОВЕТСКИЙ РАБОЧИЙ

Николай СТОЛЯРОВ

1
Над огромным пространством правого берега Волги, между горами Могунтой и Бешминной, полыхает зарево ярких огней. В шедром разливе света даже ночью, словно в солнечный полдень, до мельчайших подробностей видна картина великой стройки.

Вод, спускаясь с крутого берега и устремляясь затем вдоль стального забора к середине реки, по высокой песчаной насыпи непрерывным потоком бегут машины. Питонные, десятка и двадцатипитонные самосвалы Минского и Ярославского автозаводов несут в просторных своих кузовах белый, как мёд, камень; жёлтый, как охра, песок; бурую, как сурь, гальку. Горы грунта всех видов и категорий ежесекундно, ежеминутно ложатся в тепло поднимающейся над великой рекой перемички, прочно оградившей теперь котлован под здание ГЭС от волжской воды.

В левом углу верховой перемички, вставшей грудью навстречу воде, вносятся в дно Волги стальные шпунтины, звонко бьют питонные молоты паровых копров. Клабы пара окутывают их высокие ажурные башни. Яркие лучи прожекторов освещают обветренные лица людей.

В огромном, ни с чем не сравнимом по размерам своем котловане гудят десятки могучих машин — электрические экскаваторы, самосвалы, бульдозеры. Они вынимают, отвозят, ровняют грунт.

С высоких столбов из серебряных труб репродукторов льётся музыка — с нею радостней и легче работать.

А напротив, на том берегу реки, чуть покатываясь на плаву, сверкает огнями огромное судно — землесосный снаряд «Сталинградский-первый»; там работает «ласточные землекопы».

В яру освещённой рубки, следя за стрелками приборов, у штур управления стоит молодой «землекоп» — багермейстер. Время от времени он нажимает на кнопки, и укреплённый на металлической раме электробобка то чуть поднимается, то вновь опускает находившуюся глубоко под водой фрезу разрыхлителя, а гигантский насос всасывает в огромную трубу разрыхлённый песок и гонит его вместе с волжской водой по трубам на правый берег.

Ровно гудит в машинном зале галдящий электромотор, гулко шумит землесос. Огромную массу грунта — тысячу кубических метров за час, 20 тысяч в сутки, поималюна в месяц — перекочивает с левого берега на правый по трубам этот землесосный снаряд.

Как много нужно знать, чтобы управлять этой сложной машиной, зернее, чем пилу пловучим заводом!

На лицевой стене багермейстерской рубки, чуть пошже оси, прикреплен чутунная в полосу квадратного метра палита. На этой палите надпись:

«Минтрансаш СССР
Сталинградская судостроительная
Земснаряд 1000-80

№ 1
Октябрь 1951 г.»

Это — метрическое свидетельство о рождении мадецца-богатыря, первенца сверхмощных советских землесосных снарядов.

Ни одна страна в мире, кроме нашей, не располагает гидромашинной, способной поднимать такое количество грунта с глубины 15 метров, подавать его на высоту до 80 метров, транспортировать на расстоянии 4 километров и там укладывать его прямо в сооружение. Нигде в мире нет машины, которая заменила бы на земляных работах 30 тысяч рабочих.

В течение года земснаряд может переместить на расстоянии четырёх километров огромную массу, объёмом в 5 миллионов кубических метров. Но это только данные проекта. А экипаж комсомолец-молодёжного земснаряда «Сталинградский-первый» возглавляемый комсомольцем Виктором Хлюстом, даже в зимних условиях, на которые не была рассчитана эта машина, в 1½—2 раза превысила её проектную производительность.

И вот эту машину — гордость советских гидромеханизаторов — в недолгие короткие сроки освоили и теперь мастерами управляют ею 48 молодых рабочих, большинство из которых — комсомольцы!

2

Ная высокой трапой Жигулей, покрытой лесной чащобой, посконит багровое жаркое солнце. В его первых лучах, озаривших участки работ, вдруг померкла, а потом и погасили огни, что так ярко горели в ночной темноте.

Виктор Хлюст поднялся на борт земснаряда по дощатому трапу. Восемнадцатилетний старший матрос Сергей Садовок отдал начальнику судна честь.

— Поднять флаг земснаряда! — приказал Хлюст.

Старший матрос взбежал на верхнюю палубу, протянул сигнал в колодезном флаге. Развеваясь на лёгком ветру, флаг поплыл в синее небо, остановился у катика и запеласкел над судном.

...За палчами Хлюста небольшая, но яркая жизнь — жизнь советского юноши. Он провёл своё детство в колхозном селе на Херсонщине, учился в школе. То ли оттого, что запах морской воды доносно до родного села Отрада, то ли потому, что слухавший механизм на пароходе являл Терентий Руденко так увлекательно рассказывал ему своих морских приключениях, — Виктор мечтал стать моряком. И в суровый и грозный для Родины час, четырнадцатидлет от роду (это было осенью сорок первого года), он стал юнгой на одном из военных судов.

В числе моряков Черноморского флота Виктор ходил в боевые походы: участвовал в десантных операциях под городом Керчь, вывозил из-под вражеского огня раненых с косы Чухки. Всю войну, с самых первых дней и до салюта Победы, он провёл на переднем крае.

Пришёл Виктор во флот ещё пионером, а ушёл из него комсомольцем, возмужавшим и закалённым в боях.

Рабочая биография Виктора Хлюста также весьма типична для молодого советского человека.

Молодой советский рабочий! В тяжёлых трудах войны родился твой зрелость, человека, упрямо добивающегося победы. Таким ты остался и после войны, когда встал новая трудная задача — овладеть знаниями. Освоившая советским коллективизмом жизнь не только твою силу — нужные ум, знания, чувство хозяина, которое выливается в сердце вместе с мастерством. Это — изумительное чувство: быть хозяином родной советской машины, созданной коллективным трудом учёных, рабочих и инженеров.

Вот такое чувство благодарности за чудесную, могучую машину и испытая Виктор Халуст, когда окончили курсы багермейстеров и начал работать на земснаряде. Было это на строительстве Цимлянского гидроузла. Виктор был назначен начальником комсомольско-молодежного земснаряда, который намыла землунную плотину. И хотя земснаряд № 502 был в два раза меньше «Сталинградского-первого», на котором он работает сейчас в Жигулях, за один лишь сезон, за 6 месяцев выкопал комсомольцы каналы и тело гигантской плотины около 2 миллионов кубических метров грунта.

Комсомольскому экипажу было присвоено звание лучшего экипажа земснаряда и вручено первое Красное Знамя строительства. Цимлянский гидроузел. Земснаряд Халуста дал самую высокую производительность, выполнил годовой план на 142 процента.

Самой замечательной чертой в их работе было то, что все члены экипажа, от начальника земснаряда и до рядового матроса, стали настоящими хозяевами, знающими своей могучей и сложной машины, смело приступили к её усовершенствованию.

В этом поступке отражена характерная черта социалистического соревнования. Советских рабочих, комсомольцев уже не удовлетворяли количественные результаты. Перевыполнение нормы они считали в порядке вещей.

«Социализм не только не угашает соревнование, а напротив, впервые создает возможность применить его действительно не в каком-то, действительно в масштабах, действительно в том размере, в котором действительно больше всего трудящихся на арену труда работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — величественно — тысячи, десятки тысяч, дамы, душа тысячи там и миллионами», — писал В. И. Ленин в первые месяцы советской власти.

И этот творческий порыв к дерзанию, открытый социалистическим соревнованием, захватил молодых строителей великой стройки.

Виктор Халуст и его товарищи захотели увидеть свою первоклассную машину лучше, чем она есть. В этом беспокойстве за общее дело участка, цеха, стройки, Родины и выработана лучшая черта молодого советского рабочего.

Интересную мысль о передаче шита управления подав техник-электрик земснаряда комсомолец Николай Хрущёв.

Прежде шит управления земснаряда находился в общей багермейстерской рубке. Все приборы управления были смонтированы на одной панели шита, расположенного ниже окна, из которого багермейстер всё наблюдение за работой машины.

Для того, чтобы непрерывно смотреть в окно, багермейстер должен был всё время стоять, а для того, чтобы посмотреть на какой-нибудь из приборов, ему нужно было каждый раз наклоняться. Это создавало неудобство, утомляло.

Комсомолец предложил все приборы разместить не на одной, как это было раньше, а на двух панелях и расположить их на уровне глаз багермейстера. Это позволяло багермейстеру, уже не наклоняясь к приборам, вести за ними наблюдение и улучшало видимость забоя.

Виктор Халуст не только решительно поддержал инициативу Хрущёва, но пошёл ещё дальше. Он предложил весь шит управления вынести в специальную рубку и распланировать приборы так, чтобы они постоянно были перед глазами сменившего багермейстера.

Вся перестройка шита управления была произведена самим экипажем земснаряда. И если прежде багермейстер всю смену должен был стоять за пультом управления, то после перестройки он сел в удобное кресло...

О предложении Виктора Халуста и Николая Хрущёва узнали на всех земсна-

рядках стройки. Почти молодых рабочих обсуждали на комсомольском собрании. На машину Виктора Халуста начали приходить механики, электрики. Виктор и Николай сами бывали на других земснарядях и передавали свой опыт. То, что совсем недавно интересовало их двоих, затем их экипаж, теперь заинтересовало и увлекло десятки, сотни людей. Желание распространить свой опыт, передать его, улучшить работу на всех земснарядах охватило Виктора Халуста. Это было вполне естественное для советского молодого рабочего чувство товарищества, но главное: это было чувство советского патриотизма — великая, всепобеждающая сила.

Прошло некоторое время, и на всех земснарядах шиты управления были переданы. А затем, приняв предложение рабочих, перестроил шиты и завод, изготовляющий земснаряды типа «500-60».

Переоборудование шита было первой, но не единственной сделанной «своими руками» конструкциями машины. Виктор Халуст переделал всю внутреннюю связь земснаряда, заменив разговорные трубки телефонами судового типа. Это также оказалось настолько удобным, что вскоре на всех остальных земснарядах была применена такая же связь. Завод принял и это предложение и стал выпускать земснаряды, оборудованные средствами внутренней телефонной связи.

Комсомольцы усовершенствовали замену броненосков главного земснаряда, что позволяло увеличить выработку грунта в месяц.

Но не только эти — десятки других, больших и малых, технически сложных и смелых предложений вносил и сам же, своими руками осуществляли молодые рабочие — члены экипажа земснаряда, возглавляемого Виктором Халустом.

3

В Жигулях Виктор приехал не один. Когда его назначили начальником земснаряда типа «1000-80» — «Сталинградский-первый», ему сказали:

— Возьмите с собой таких людей, чтобы сразу пустить земснаряд.

При этом добавили:

— Но сделайте так, чтобы и прежняя ваша машина могла работать не хуже, чем раньше!

Халуст собрал экипаж земснаряда и спросил:

— Кто желает ехать на новую стройку? Оказавшись, кто ехать желает все. Тогда Халуст объяснил задачу, и комсомольцы принялись обсуждать, как сделать лучше.

Вот он, земснаряд «Сталинградский-первый», — гордость могучей советской техники.

Старший багермейстер земснаряда Александр Лебедев.

Раставаться не хотелось: дружно, хорошо поработали, и были видны результаты труда: уже возвышалась плотина, о подложке которой бьётся Цимлянский море.

А если пораздумать, то надо, конечно, раставаться. Ведь одна это стройка — и на Дону, и на Волге, и на Днепре, и на Аму-Дарье. Одна стройка — на всех великих и малых советских реках, на раздольных просторах советских полей, на заводах и шахтах, — одна великая стройка коммунизма!

Решено было разделить экипаж на две равные части. В список отключающих включили тех, кто нужнее всего был на новой машине, а в список оставшихся, — без кого нельзя обойтись здесь. И в этом формировании двух команд из одной иерее Родины для всех оказался интерес всего!

Вместе с Виктором на строительство Кубышевской ГЭС приехали 18 человек. Люди эти и явились тем костяком, вокруг которого был создан комсомольско-молодежный экипаж, быстро освоивший по-

вую для всех машину и в первый же месяц работы перевыполнивший план...

С Хлюстом приехали в Жигуды два его друга и помощника — техник-электрик Николай Хруцёв и старший баггермейстер Александр Лебедев. С ними начальник делится всеми своими мыслями, на них опирается в работе.

Новым другом, обретенным уже здесь, стал для него секретарь комитета ВЛКСМ Управления гидромеханизации строители Дорнан Валентинов, штурман дальнего плавания, недавно окончивший Балканское мореходное училище.

Часто вечерами собираются они все вместе в кубрике послушать игру Хлюста на аккордеоне, рассказы Лебедева о боёвке — Саша считается среди учащихся Ростовского мореходного училища «первой перчаткой», — прочитает вслух письма, приходящие со всех концов страны...

На этот раз был «разговор по душам». Инженеру Хлюсту акст лютной бумаги, Хлюст начал объяснять недавно вычерченную «Схему полной автоматизации работы земснаряда», которую он разработал совместно с Хруцёвым.

— Понимаете, что получаете? — говорит Виктор Дорнану Валентинову. — Мы вот часто на комсомольских собраниях говорим о производственной работе, а берём только часть её. Мы обычно смотрим, как соревнуются комсомольцы, как они выполняют нормы, не пропускают ли занятия кружка техникума или каких-нибудь технических курсов. А что мы, молодые рабочие, думаем о своих машинах, об этом мы на собраниях не говорим. А есть о чём сказать.

Плавало покачиваются земснаряд, в машинном зале ровно гудит главный электромотор, гулко шумит земзасос. Слышно, как в трубе пультовода шуршит песок, позвывают увязевшие воды камни.

В настоящее время имеется полная возможность, — Виктор поныска гоас, — целиком автоматизировать пуск и остановку насосного агрегата, его защиту при авариях, регулирование нагрузки... За бортом гудит насосов вода, земснаряд сильно качало. Нарушился плавный и мерный шум машин.

— Что случилось? — всколых Валентинов.

— Началась обвала забой... В кубрике сразу стало тихо, из электромотора, прекратился шуршание песка в пультпроводе.

— Эх! Сорвали вакуум!.. — Лебедев быстро накинута на палачи ватник, надея шапку и поспешил вышка.

В кубрике сразу стало тихо. И то им от наступившей ядуги тишины, то им от того, что внезапно были прерваны волно-

вавшие его мысли, Хлюст замолчал. Он подошёл к каллюминатору, сквозь светлое стекло которого были видны огни на волжских берегах.

— Срыв вакуума, — к сожалению, обычное дело — пояснил Хлюст. — Приступившему способе управления работой земснаряда явлению это почти неизбежно повторяется один — два раза в смену... Но знаете, о чём я сейчас подумал?

Он расстелил ярчеги форточки флотского кресла, ставшего вдруг ему тесным. — Всего несколько лет тому назад земляные работы выполнялись вручную. И вот представь себе такую картину. Вместо одного нашего земснаряда сейчас работала бы здесь тридцать тысяч землекопов — некая армия людей, вооружённых кирками, долотами — всем, что тогда применялось на этих работах. А тогда по какой-то причине все тридцать тысяч прекратили работу... Вот то же самое произошло и сейчас.

Хлюст посмотрел на тёмные стрелки ручного хронометра.

— Стоим уже пять минут. И будем стоять ещё десять, в лучшем случае. Значит, четверть часа будут стоять тридцать тысяч рабочих...

— А к чему ты всё это мне говоришь? — спросил Валентинов.

— К тому, — Хлюст рубанула воздух ладонью, — что этого могло бы и не случиться, если бы кое-что сделано было иначе... Он подошёл к висельной на стене «Схеме полной автоматизации работы земснаряда».

— Слов нет, прекрасную машину создали наши конструкторы, но они не использовали всех последних достижений науки и техники. Вот в чём гвоздь! Понял?

Хлюст говорил о том, что автоматизация позволяет лучше работать насосной установкой, не допуская простоев. Для этого надо кое-что подкачать конструкторам. — Вот это и предусматривает предлагаемая нами схема, — сказала Виктор Хлюст, оканчивая разговор и одеваясь.

— Слова в машинном зале ровно гудела главный электромотор. Снова в трубе пультовода шуршала песок.

— Что ж, — пропнулся с Хлюстом, сказала секретарь комитета, — давайте обсудим все эти вопросы на нашем ближайшем собрании. Позовём на него молодёжь с других земснарядов, пригласим инженеров. Это и будет первый большой производственный вопрос, поднятый комсомольской организацией.

4

Собрание состоялось в просторном и светлом кабинете начальника Управления гидромеханизации строительства. Сюда

пришли юноши и девушки — экипажи двух комсомольско-молодёжных земснарядов: «Сталинградский-первый» и «Сталинградский-второй», — двух самых первых и самых мощных земснарядов строителей на этой волжской стрелке.

Первым встал слово Виктор Михайлов, начальник комсомольско-молодёжного земснаряда «Сталинградский-второй». Выйдя к столу, он поправил упавшую на смуглый, обветренный лоб прядку чёрных волос.

— Нет нигде в мире таких земснарядов, как наши перенцы-сталинградцы, — начал он своё выступление. — Но мы хотим, чтобы эти машины были ещё лучше и совершенней. Поэтому и считаем своим долгом высказать в адрес их создателей слово нашей рабочей критики.

Михайлов говорил главным образом о вылазных или конструктивных недостатках корпусной части земснаряда.

Евкий затем слово смелый механик второго участка Михаил Кайдашев сказал, что земснаряд «1000-80» не только полностью оправдал себя, но и превзошёл все ожидания гидромеханизаторов.

Но мы убеждены, — сказал он, — что этот земснаряд может быть ещё лучше и совершеннее, если конструкторы учтут все пожелания рабочих, эксплуатирующих эти машины.

На этом собрании выступали и Виктор Хлюст, и Александр Лебедев, и Николай Хруцёв. Выступал техник-электрик земснаряда «Сталинградский-второй» Михаил Лузин, смелый механик того же земснаряда Иван Акусов и другие.

Присутствовавшие на собрании главный инженер Управления гидромеханизации Кушбинецкигорост Б. К. Ангар и главный механик П. Н. Муравкин внимательно слушали молодых рабочих. И в каждом выступлении чувствовалась глубокая забота, высокая техническая культура, широта взглядов, смелые и правдивые обобщения и выводы — черты, присущие советским рабочим. Инженеры записали свыше 100 конкретных предложений и требований, которые решено было довести до сведения конструкторов и коллектива завода, изготовляющего земснаряды типа «1000-80».

Жизнь творческого коллектива молодых гидростроителей, так же как жизнь и работа милоановских советских юношей и девушек, широко раскрывает прекрасные черты нашей молодёжи. Родина, партия большевиков, великий Сталин воспитали молодое поколение сильными, смелыми и образованными, дали в руки лучшее в мире технику и открыли перед ним необозримые просторы для смелых свершений, для самоотверженного труда во имя великого дела строительства коммунизма.

Игорь КОБЗЕВ

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Поэту Э. Асадову

Небольшой кабинет
Парткома.
На повестке —
Вопрос приема...

Перед нами
Стоит
В вольнице
Человек
Потерявший зренья.

Он опять
Вспоминает роту.
От ранены
Он стал слепой.
Значит,
Заново
С мнимометом

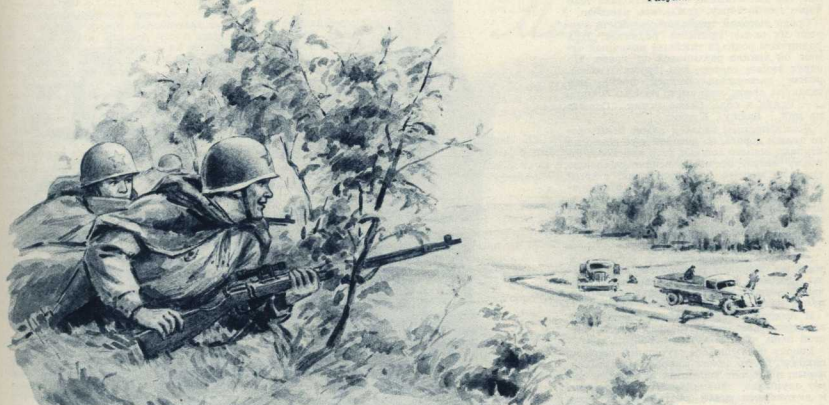
Он не сможет
Подняться в бой!
Но ведь партия коммуни-
стов —
Это классовых битв фронт!
Захотят ли
Его зачислить
В атакующие ряды?

Что же,
Разве
Не знаем все мы,
Как испытан он
На войне?
Разве
Строки
Его поэмы
Не идут уже
По стране?

Разве юноши
В наших школах
Не изучают, узнав о нём?
Разве Армия Комсомола
Не гордится
Таким бойцом?

Или разве
Судьбой героической,
Правдой подвига своего
Комсомолец Николай
Островский
Не ругается за него?

...Он был метким
артиллеристом.
Он в бою потерял глаза.
Пусть он видит,
Что коммунисты,
Как он, голосят за!

В. ТЕНДРЯКОВ

ВИНТОВКА СТАРШИНЫ СОЛОВЬЕВА

Рассказ

Его завернули в плащ-палатку, старательно прикрывая лицо и воевским на дне одиночного окопа. За недолгую солдатскую жизнь он много оставил таких окопов на родной земле. И это его последний окоп.

Снайпером, скучно менявшие каждый патрон только на жизнь вражеского солдата, на этот раз, не целая, выпустили по обоям в пустую утреннюю синеву неба. Самый молодой из взвода, новичок Андрияш Кузовлев, полагая осторожно зарубки прикладе винтовки старшины Соловьёва и сказал:

— Вот и остаёшь без хозяина...
— Без хозяина не останешься, — ответил сержант Курня и отобрал винтовку у Кузовлева.

На прикладе винтовки Соловьёва нанесали ещё пятнадцать зарубок — пятнадцать гитлеровцев, убитых снайпером в последнем бою. Комсомольский значок, снятый с гимнастёрки Соловьёва, врезали в середину приклада. Командование пока решило, что эту винтовку новому хозяину должно вручать комсомольское собрание снайперского взвода.

Наверху оврага кусты ещё горели в последних лучах солнца, а на дне уже был вечерний полусумрак. Комсомольцы собрались из всех окопов. Бойцы — с пылающими, обожжёнными солдатами лицами. У сержанта Курня на голове снежной белызна поваяла; утром осколок разорвал его пилотку и слегка оцарапал голову. Курня вёл собрание.

— У нас два вопроса: первый — выборы нового комсорга, второй — мы должны решить, кому вручим снайперскую винтовку Сергея Соловьёва.

Комсоргом вместо убитого старшины Соловьёва единогласно выбрали сержанта Курню. У него на счету сто двадцать гитлеровцев, он был товарищем Соловьёва, его правой рукой. Что рассуждать! И винтовка знаменитого снайпера тоже должна принадлежать ему: лучшего хозяина для такой винтовки не найдёшь...

— Но против этого выступил Курня.
— За что мы уважаем Сергея Соловьёва? — спросил он. — Только за то, что Соловьёв был лучшим снайпером? Нет, не только... За то, что Соловьёв был лучшим снайпером? Нет, у нас в последнее время стало много хороших снайперов, но ни один не пользовался таким уважением, как Соловьёв... Мы уважаем Соловьёва за то, что это он нас сделал всех снайперами,

он нас учил, он нас воспитал... Я предлагаю вручить винтовку не мне, не ефрейтору Гавриленко, а Андрею Кузовлеву. Он новичок среди нас, неопытный солдат и, прямо скажем, плохой снайпер. Мы передадим винтовку Соловьёва и скажем не срами это оружие, оно привыкло к хорошим рукам, к верному глазу...

И собрание постановило: закрепить снайперскую винтовку комсорга Сергея Соловьёва за комсомольцем Кузовлевым.

На следующий день по полку из роты в роту, от окопа к окопу пошла новость:

— Самшала, кому перешла соловьёвская винтовка? —
— Какому-то новенькому, с последним пополнением пришёл...
— Смотри ты, и такую винтовку получишь! Видать, показал себя парень...

Андрей Кузовлев — действительно плохой снайпер, да и некогда ему было стать хорошим: только неделю тому назад он прибыл в полк и сразу же попал в отделение сержанта Курня.

Маленький, в широкой не по росту гимнастёрке, в пилотке, которая задорно торпорила на его голове, как землёный гребень, он не столько чувствовал себя на фронте участником, сколько наблюдателем, которому всё, что окружало, было ново, всё удивляло. Он по часу мог с одинаковым любопытством разглядывать и подбитый немецкий бронетранспортёр и пустую коробку из-под немецкого противотанка; во время перестрелки он мог отложить винтовку и, заслонившись от солнца, здоров на голову, наблюдать за воздушными боями, мог, выстунившись из окопа, смотреть на разрывы мины, не думая вовсе о том, что осколки этих мин могут убить и его.

— Ты в окопах, как гость... — говорила ему Курня. — Таких ротозеев и любит смерть...

И вот комсомольское собрание вручило Андрею винтовку, на прикладе которой было его семейное древо зарубки, каждая — памятка о смерти одного врага.

На следующую ночь сержант Курня разбудил Андрея:

— Вставай, пошли на урок.

Он привёл его на опушку леса. Многие деревья были повалены снарядами, здесь падал старой приладо прошлогодних листьев, гребнями и тарью снайперной взрытыми травы.

— Доможкал, что волн на том хомае... — начал объяснять Курня, — наблюдай! Первый пункт миномётной батареи. Попробуем выследить их. Помни, что мы почти на нейтральной полосе. Наши окопы стаде. Если нас заметит, смещают с осваля. Одно спасение — ладше маскироваться. Главное — первыми увидеть, первыми выстрелить и не промахнуться...

Разрубая лопатой толстые корневища, они выкопали на двох окоп, прикрываясь ветками и, прижимаясь друг к другу плотнее, так как валажная земля холадная тело через гимнастёрку, дождалась рассвета.

Среди высокой травы, шагов на сто впереди их окопа, прятался родинчик. Над родинчиком родился тяжёлый молочный туман, он медленно раздвигался по траве. Но вдруг туман словно сам собою зажёгся, розово засветился. Андрей понял, что сюда, за лесом, незаметно вошло солнце.

— Гляди в оба... Самое время... Солнце на них, — шепнул Курня.

Безразличным казался склон невысокого холма дороги, по которой уже давно не ступало копыто лошади, шла наискосок по холму вверх, презирая великие условные границы нашего и чужого края; старый дуб с коринным стволом и словно откушенной верхушкой (лопа снаряд), разбросанные в разных местах кусты, около одного жёлтая насыпь...

— Окоп, кажется, — повернулся Андрей.

Сержант Курня усмехнулся:

— Открыл. Окоп-то окоп, да пустой, и к тому же снарядом разворочен. А вон видишь — видишь, неровности? — там тоже окопы. То уже не пустые, но наблюдательный пункт не там, он должен быть ближе...

И Андрей снова, до слёз в глазах, стал всматриваться: старое дерево, кусты, пустой окоп, чёрные лунки воронок...

Вверху послышалась шуминка первого снаряда, где-то далеко впереди раскатился взрыв, в стороне заработал пулемёт, в ответ заунывно заныли мины, с треском и визгом они стали рваться в глубине леса.

Так прошёл час, другой, третий, и спуталась время...

Шла боевой день с гулом снарядов, с визгом мин, перекатами автоматной трескотни, а два человека, спрятавшись под охапкой веток, лежали и смотрели: дерево, дорога, кусты — один, второй, третий, три маленьких куста вместе, ещё куст — большой... Как хорошо знакомо это Андрей это место! Неужели здесь могут прятаться люди?

Степно. Они вернулись к штабу батальона — ни Андрей, ни сержант Курня не сделали ни одного выстрела.

В полдень сержант снова разбудил:

— Собирайся на старое место.

— Да там же ничего нет.

— Ну, это ещё бабушка надвое сказала.

Снова, как и вчера, так же растекался туман, так же загорелся розовым светом, так же, как и вчера, старый дуб со срезанной верхушкой с ласковой грустью принимал на себя первые лучи солнца, те же кусты... Но вдруг Андрей схватил сержанта за плечо:

— Смотри!

Сержант Курня усмехнулся:

— Заметила... У тебя выйдет снайпер...

К семейке трёх маленьких кустов пристроился четвёртый, его вчера не было.

— Стреляем!

— Куда?

— В куст...

— Не спешит. Не спускай глаз... Их там двое, не больше... Сейчас они должны показать нам смотровую цель. Я был первым, второй попробует разглядеть нас, тогда стреляй ты... Учись... Не спешит...

Андрей так и не заметил, когда «показалась смотровая цель». Он вздрогнул от выстрела сержанта. Куст качнулся, словно на него налетел ветер.

— Один есть.

Прошла минута, другая. Андрей, не мигая, впился глазами в куст. Наконец он увидел, как снизу у земаи приподнялось несколько веток «второй земаи». Торопясь, как бы эта цель «не пропала», Андрей выстрелял.

— Э-эх! — горестно сказал Курня. — Ворона!

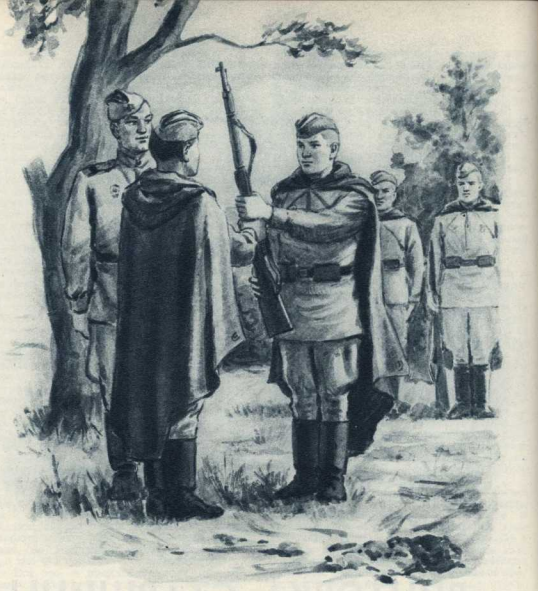
Он отложил винтовку и стал, к удивлению Андрея, укладываться плотнее в окоп.

— Дожись? Чего ждёшь? — сердито прикрикнул сержант. — Поспешишь... Жди теперь догад латеском красни.

Первая мина упала шагах в десяти, в стороне; вторая перелетела и ударила в ствол дерева, осколки с визгом полетели по лесу, пересчитывая ветви; третья забросала их землёй и сухими иголками; обдало едким запахом сгоревшего зёма...

Они одежались, ни один осколок не тронул ни Андрея, ни сержанта Курня.

Ночью они выбрались из леса...

Спусти неделю Андрей Кузовлев передал винтовку старшине Соловьёва комсомольцу Фёдорову Разину...

А утром Андрей отискал корреспондент армейской газеты, высокий, загорелый, с зелеными бойкими глазами лейтенант. Он забросал вопросами:

— Это вы Кузовлев? К нам пришла винтовка старшином Соловьёва? Много ли вы из этой винтовки успели уложить фашистов?

Андрей багрово покраснел.

На следующую ночь сержант Курня увёл его на новый урок.

...

Почётно носить на плече винтовку старшины Соловьёва, почётно, но трудно... Долго знаменитая, испытанная винтовка подвела Андрея. То она стреляла слишком рано, то слишком поздно, то вовсе не тула, куда надо. Андрей сторонился людей: было стыдно.

Первым соловьёвская винтовка в руках Андрея уложила автоматика, зашедшего на чердаке. Стрелковые роты вошли в село Циркуны. За стеной одного дома лежали солдаты и переговаривались. Усталый ефрейтор в каске наберёв отчаянно ругался. Андрей прилёг рядом с ним.

— Что там? — спросил он.

— Птичка, — ответил, сердито усталый, — никак не сплунём.

Над крышей соседнего дома раздалась длинная злая очередь. Андрей направил винтовку, дождался новой очереди и выстрелил... Автомат захлебнулся.

— Славно! — радостно произнёс усац и крикнул. — За мной, ребята!

Второго он подстрелил в тот же день вечером. Это был удачный выстрел, тем более что свидетелем его оказался сержант Курня. Мотошник, подымая паль, удирал на полном гапу. Андрей поймал его в прицеле и шибко с дорони. Даже Курня качнул головой:

— Лихо...

Прошёл август сорок третьего года. Остался за спиной освобождённый Харьков. Андрей Кузовлев шёл во втором батальоне. Он уже считался опытным снайпером, имя своих учеников, на привалах рассказывал им о старшине Сергее Соловьёве, в коротких переестаклах учил «соловьёвскому выстрелу».

Гитлеровцы не принимали больших боёв, но каждый день в селе, каждая опушка леса встречала передовые части пулемётных и стрелковых батальонов. Одижды второй батальон окружил небольшой лесок. Сколько противника было там: одна, две роты, батальон или даже полубатальон, полуразбитый полк, —

ниственно. Но в любое время к ним могли прийти на выручку. Андрей Кузовлёву поручили охранять дорогу, идущую от противника.

Вместе с друзьями залегли у дороги четверо солдат. Все четверо из последнего пополнения, лет по восемнадцати ребята. И может быть, потому, что в бою они показали каждый из них не успев выказаться, не успев проявить своего характера. Они, послушные, исполнительные, неумелые, даже внешне походили друг на друга.

Ночь была прохладной, чувствовалась уже близость осени. Они сидели, прижавшись друг к другу, и ждали утра. Утром должна начаться «прочищаемость» леса. Андрей повсюду новичков в секрет снайперского искусства, рассказывал о трёх соловьёвских правилах: нужно уметь быть незамеченным, нужно иметь железное терпение, нужно быть на выстрел...

В то время, когда ночь уже не ночь, а утро ещё нельзя назвать утром, прямо в час лугуны появились. Сначала они услышали шум моторов. На дороге показались два грузовика. Они двинулись осторожно, тяжело оседали в выбоинах, со сдержанной угрозой поднимая моторами...

Пять стрелков сидели в стороне от дороги на высоком месте, укрытые кустами, и глядели, как проехают машины. Было видно, что грузовики тесно забиты, каска к каске сидят солдаты. Самые малые их было человек пятьдесят. Пятьдесят пар рук, готовых в любую минуту схватиться за винтовки, автоматы, пулемёты. А их только пять человек, пять винтовок, два пистолета. А их только пять человек, пять винтовок, два пистолета. А их только пять человек, пять винтовок, два пистолета. А их только пять человек, пять винтовок, два пистолета. А их только пять человек, пять винтовок, два пистолета.

— Без приказа не стрелять! Андрей поглядел на товарищей. Рядом с ним лежал паренёк, у него была фамилия удалого атamana казачьей волянки — Рязин — и больше, как у девушки, ресницы под ними в глазах витали слезы. Он сейчас понимает одно: нас пять, их пятьдесят... Но он не понимает, что Андрей — опытный солдат, он выбрал хорошее место, хорошо украл их в кустах и что у Андрея в руках винтовка старинная Соловьёва, вручённая ему комсомольским собранием, испытанная винтовка. Передняя машина подошла уже всего на каких-нибудь две минуты шагов. Сквозь стекло в глубине кабинки маячит лицо шофера.

— Вы бейте по тем, кто в кузове. Я беру кабинку... Причиной присланности была как гладыш и чуть важной приехала приехала (в ствол на великий случай вошёл патрон с броневой пулей). Видно было, как шофёр первой машины повалился на своего соседа по кабинке. Тот резко распахнул дверцу, успев что-то крикнуть и тоже свалился лицом вниз. Третьим выстрелом Андрей убил шофера на втором грузовике.

Выкрикнув сдавленными от испуга голосами, суетясь, толкая друг друга, немцы поспешили на землю. Спрыгнувшие сразу же ложились, скрывавшие автоматы и заводили длинные очереди наугад, вслепую, лишь бы стрелять, вымучить невидимого противника, придать злости себе.

Один, высокий, с пистолетом в руке, видимо, офицер, придвинувшись на локте, выткнул шею, вертел головой, стараясь догадаться, откуда их обстреливали — из кустов или от деревьев, куда стоят справа. Андрей же вдруг почувствовал в себе спокойствие, уверенность, радость: он сильнее их всех, сильнее этого офицера. Но медлить нельзя. Андрей выстрелил — офицер ткнулся головой в землю, дёрнулся судорожно и замер...

Лично лежавшего рядом с Андреем Рязина залюбопытствовал, глаза под теневыми ресницами весело заблестели. Даже он понял, что они, пятеро, сейчас сильнее всех тех, кто лежит на земле около машины. Они видят, а сами невидимы. Сотни кустов окружают машины, под каждым можно спрятаться, изпод каждого могут лететь пули...

Двое солдат устанавливали около колабс пулемёт. Андрей, не торопясь, тщательно прицелился, выстрелил — один упал. Те, кто лежал близко к пулемёту, побоялись в разные стороны. Десетки автоматов захлебывались в смертельном испуге, высоко в воздухе над головой Андрея повисли шальные пули...

Ас, до этого времени молчаливо стоявший сзади, вдруг ожил переговоров автоматных очереди, рзырнул мис. Один из солдат просился было поближе, но Андрей свалил его к колёсам машины, остальные поняли, что этого нельзя делать, и стали отходить, робко поднимались, перебегали, падали, прижимались к земле, словно та земля, которую защищал Андрей, могла их спасти...

Бей! — приказал Андрей товарищам. — Теперь бей, не стесняйся. Сам он был на выбор.

Спустился недалеко на комсомольском собрании снайперского взвода Андрей Кузовлёв передаёт винтовку старшине Соловьёва комсомольцу Фёдорову Рязину, одному из своих учеников.

Этот винтовку, позднее получившая название «Комсомолец», переходя из рук в руки, прощала по всей Украине, по многим странам Европы. И тот, к кому она попадала, из неопытного, зелёного новичка становился зрелым воином.

Николай ПЕРЕВАЛОВ

Машеночка

Что увидели такого в нашей Маше Иальной? Пусть она и черноборва, пусть характер отгневой...

Ну, даярка. Ну, повесду пронеслась о ней хвала. Но какое в этом чудо для колахоного сева?

Разве нету в нашем крае больше таких девчат? Ничего не понимаю, а друзья не объяснят.

Чудаки Валюбились оба: и кузнец и тракторист. И на всех фронтах (ещё был) бой пошёл у них — держались!

Стукнет молот — в наковальню, брызнет искрами по тьму — трактор чётко в поле дальнем откликнется ему.

Тракторист горяч и молот, и кузнец не лямком шпит. — Докажу! — грохочет молот. — Обогно! — мотор стучит.

Перекаличка — слушаешь любоб Чья побела, — разреши!

Мать-природа

Всё дуще зной с востока. Эх, дождя б на огорю! Вон и туча мздакела, не спеша уже встаёт. Меркнет летний поодень жгучий.

Верьб тутюла. «Быть дождю!» — ставит молния на туче резолюцию свою. И, мгновенно нарастая, «Быть дождю!» — грохочет гром, — росчерк молнии читая.

Закрутилась пыль винтом. Громко стукнула каикта. Снова ярких молний блеск. — Будет знатная полянка! — укрываясь под навес, улыбувшись огородник и трикнула наперёд, сколько алаги тут сегодня аа гектары упадёт.

Но заманка приключилась: хоть и гром над головой, ничего не получалось из полянки даровой. Много было треску-блеску. — Думаа, дождь пройдёт насквозь.

Но на землю, как в наемску, капляв десять сорвалась —

А сойдётся возле клуба, снова спорит от души. Чуть кузнец баяг растянет — в плас пускается народ. А сойдётся песня грянет — вся округа заплёт.

Не ведёт и бровью Маша, весела мот двух огней. И сплет она и сплетает, а не скажет, кто милей.

Но решил кузнец упорный дать дружку последний бой: сочинил стихи у горня для даярки молодой.

Тракторист, заводя плано, тоже бьётся до конца: сам молодой нащёб он к этим строчкам кузнецю.

И пошла звенеть меж нами песня новая с тех пор, и слова в ней — кузины памя, а мотив — полей простор.

Я услышала песню — охнула, а пролеа — и горе мне: сам теперь о Маше сохну я с друзьями наравне.

Не кланя, кузнец, меня ты. Тракторист, и ты прости... Но теперь втроём, ребята, нам придётся бой вести.

и ушла, ветрам у угоду, туча в сторону лесов. — Эх, природа, возлюбь вода, а не знаешь адресов! Усмежулся: — Удивила, расогая фейерверк!

Посыла, найдётся сила — будешь взвучааа навек. Поляник тогда, легко ли, громыхала сысько, так, помню нашей воли, обоготил нас. А пока...

...Мотористы, график помня, подкачают провода — и пошла шуметь на скале, взвям фонтанам, вода. Сгородник сотни радуг вдруг увидел над собой в водяной шляпи.

— Порядок! И теперь с ботвой-листвой зодло над грядкой лука душ принять и сам он рад. Замечательная штука — дождевой алтун! Полевола сложилась гордо, улыбувшись веселей: дескать, так-то, мать-природа, поучись у сыпюней!

ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ

К 70-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Имя Георгия Михайловича Димитрова — выдающегося деятеля международного рабочего движения, стойкого борца антифашизма, вождя болгарского народа, верного друга Советского Союза — близко каждому советскому человеку.

Георгий Димитров прожил большую и трудную жизнь профессионального революционера, отдавая все свои силы борьбе за свободу и счастье болгарского народа, за свободу и счастье всех трудящихся мира.

Родился Георгий Димитров 18 июня 1882 года в селе Ковачевцы, недалеко от столицы Болгарии Софии, в простой рабочей семье.

С юношеских лет он проходит суровую школу proletарской борьбы. Девятилетию лет Георгий Михайлович вынужден был уйти из школы и искать работы. Став типографским рабочим, он вскоре активно включился в революционное движение болгарского рабочего класса. В 18-летнем возрасте Димитров был уже секретарем профсоюза печатников.

Во время первой мировой войны Георгий Димитров ведёт массовую антивоенную работу. За революционную и антивоенную деятельность Димитров в 1917 году был арестован, но и из тюрьмы он продолжал вести агитацию против империалистической войны.

Великая Октябрьская социалистическая революция вызвала волну революционного движения в странах Европы, в том числе и в Болгарии.

Наступавшим этим, правительство Болгарии освобождает большую группу политических заключённых. В их числе был и Георгий Димитров.

В 1919 году болгарские коммунисты посылают Георгия Димитрова в Москву на II конгресс Коминтерна. Здесь происходит первая встреча болгарского революционера с вождями proletарской революции и руководителями Советского государства В. И. Лениным и И. В. Сталиным.

Георгий Димитров становится одним из самых верных и последовательных учеников Ленина и Сталина.

Революционный подъём, начавшийся в Болгарии после Октябрьской революции в России, перерастает в сентябре 1923 года в во-

оруженное восстание рабочих и крестьян под руководством коммунистической партии.

Георгий Димитров был одним из его главных руководителей. После подавления восстания он во главе революционных отрядов с жестокими боями отступил за пределы Болгарии.

В продолжение 22 лет верный сын болгарского народа, пламенный борец за свободу Болгарии должен был жить вдалеке от родины. Но и в течение этих долгих лет, несмотря на клевету и преследования, несмотря на длительные изгнание, несмотря на два смертных приговора, которые заочно вынесло ему реакционное правительство Болгарии, Георгий Димитров не отступал ни на шаг, продолжая ещё тверже, ещё упорнее бороться за свободу трудящихся, за счастье своего народа.

Димитров смело выступает против поднимающего голову фашизма, разоблачает гнусные замыслы империалистов.

Гитлеровская клика ненавидела и боялась стойкого и мужественного революционера. Фашисты сфабриковали против Димитрова чудо-

Есть на Пирине! белые цветы.
Седая выюга гор — для них соседка.
В долину с поднебесной высоты
Их смельчачки приносят редко-редко.

При поединке присутствую я тут,
Когда десятки рук шахтёрских, чёрных,
На Мавзолей Димитрова каалут
Венок из этих адемайсов горных.

Каалут венок из тысячи стеблей,
Профильнулся из-под лавин Пириня,
Их рвали там, где ветры злое зелье,
Где снег лежит, сверкая, на вершинах.

1 Пирин — горный массив в Болгарии.

вищую провокацию, обвиняя его в подлоге рейстага. Но и это не сломило большевистского духа Георгия Димитрова. Лейдцигский процесс 1933 года, на котором Димитров превратил скандально подкуденных в мировую трибуну борьбы против империализма и обличения зверского германского фашизма, являлся одной из самых ярких страниц жизненного пути революционера. В каждом его слове, в каждом выступлении звучало превосходство великих идей коммунизма, идей Ленина — Сталина. С того момента, когда началась провокационный Лейдцигский процесс о подлоге рейстага, Георгий Димитров стал знаменем борьбы против фашизма и войны, против гитлеровского мракобесия. Имя Георгия Димитрова в эти дни было на устах широчайших масс трудящихся во всех странах мира, на его агитацию поднимались миллионы честных людей. Суд был вынужден оправдать Димитрова.

В 1935 году VII конгресс Коминтерна избрал Георгия Димитрова — верного ученика и соратника великого Сталина — генеральным секретарём Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

Советский народ избирает его депутатом Верховного Совета СССР.

Весь период жизни Димитрова после его приезда в СССР и до окончания Великой Отечественной войны характеризует борьба против фашизма и империализма, за создание антифашистских народных фронтов.

За большие заслуги в борьбе с фашизмом советское правительство наградило Георгия Димитрова в июне 1945 года высшей наградой — орденом Ленина.

В ноябре 1945 года Георгий Димитров возвратился в родную Болгарию, теперь уже освобождённую от фашизма, вступившую на путь демократии.

До конца своих дней Димитров продолжал своё историческое дело, вёл народ на решительную борьбу за окончательное уничтожение реакции, направляя болгарский народ на строительство новой, социалистической Болгарии.

Георгий Димитров проводил исключительную заботу о сплочении и объединении болгарского молодёжи, воспитывая юношей и девушек Болгарии в духе великого учения Ленина — Сталина, в духе глубокой и беспредельной любви к стране социализма. Созданный по инициативе Димитрова Союз народной молодёжи Болгарии стал опорой партии в деле укрепления народной демократии, борьбы за социалистический путь развития страны.

С первых дней создания Советского государства и до самой смерти в 1949 году Георгий Димитров был другом Советской страны, добрым другом всех народов с великим советским народом. Ему принадлежат слова: «Пробным маяком для проверки искренности и честности каждого деятеля рабочего движения, каждой рабочей партии и организации трудящихся, каждого демократа и капиталистических стран является их отношение к великой стране социализма».

Болгарский народ продолжает славное дело Георгия Димитрова, отдаёт все свои силы строительству новой, счастливой жизни, в дружбе с великим Советским Союзом создаёт социализм.

Лиляна СТЕФАНОВА

Горные цветы

Твои сыны, о родина, прости,
Они из шполеи, где огонь не зряк,
Поднялись до олянной высоты,
Чтоб принести Димитрову подарок.

Крутые галбы каменных пород
Пирин вознёе на высоте отнесной,
Но, закалёнными битвами, народ
Поднялся выше кручи подбёебой!

И, словно символ этой высоты,
Которую лишь храбрый взять под силу,
Бессмертные нагорные цветы
Украшали Учителя могилу.

Перевод с болгарского
Павел ШУБИН

Монтажники Анатолий Куропатов и Михаил Власов на строительстве тридцатипятиэтажного здания госслужащих в Москве.

фото А. Ложникова

Восемолетъ Ф. Кузинъ, налитанъ тралыщца «Анна Лиситина».

Молодёжь на Каспии

Морю пенится волна,
Круто сплывай гребня,
Вотром до зноя полна
Каспия машина голубая.

Назвм Химок
«Каспийское море».

Около двух месяцев прошло с того дня, когда катер Каспийской экспедиции Института океанологии Академии наук СССР покинул Астрахань. На борту «Анамба» нас четверо: капитан катера комсомолец Геннадий Ойхаров, механик, он же и лаборант, Юрий Михайлов, лаборантка Клава Алексеевна и я, начальник одного из отрядов этой экспедиции.

Экипаж подобран удачно. Все молодые, все в душе немного романтики, хотя каждый из четырех имеет свои индивидуальные черты характера. Так, наш капитан Геннадий на Каспии впервые. До этого вся его морская «карьеря», от матроса до штурмана, проходила на Чёрном море. Чувство ответственности делает его крайне озабоченным и серьёзным. Десятки раз в день он проверяет на карте проходку курса и выбирается на рубку, где у нас установлен генеральный компас, чтобы сверить его показания с путевым, по которому идёт судно. Несмотря на то, что наши компасы хорошо намерены, его не покидает убеждение, что они показывают «день рождения бабушки». Не остаётся без внимания и состояние моря. Если слышишь в тушу, Геннадий мрачнеет: значит, прихвлять шторм. Хорошо, что остальные предсказания капитана не верят.

Всёобщей любовью пользуется у нас Юра Михайлов. У него действительно «золотые руки» и блестящие способности к механике. А ведь он всего только лаборант, да ещё москвич, не привыкший к морю!

Однако незаменимых всех оказалось у нас лаборантка Клава. Не впервые ей выходить в море на маленьком судне, не впервые помогать в машине, управлять кватерштотами и нести обязанности судового кока.

На морской отряд Каспийской экспедиции возлагалась задача: провести гидрологические исследования северной части Каспийского моря. Мы должны пересечь его несколькими рейсами, производя наблюдения в заранее намеченных точках.

Последние два десятилетия Каспийское море всё больше и больше привлекает внимание наших учёных. Облик его постоянно меняется. Являясь бессточным водоёмом, Каспий, как ни одно другое море, реагирует на изменения, происходящие в бассейнах питающих его рек, главным образом — в бассейне Волги. Колебания его уровня отражают изменения, происходящие в климатических процессах.

Наиболее высокого положения уровень Каспия достигал в шестидесяти годах прошлого столетия, но вот уже около ста лет продолжается его понижение, вызванное общим потеплением климата. Менее суровые зимы, меньше снега в речных бассейнах — сократились сток Волги. Особенно резкое понижение уровня моря наблюдается за последние двадцать лет. Здесь сказывается и деятельность человека. Строительство различных гидросооружений, распашка целинных земель и другие работы приводят к уменьшению количества воды, попадающей в Каспийское море.

Понижение уровня более всего заметно на мелководной, северной части моря. Если взглянуть на карту Каспия, составленную всего лишь несколько лет тому назад, и сравнить её с картиной, которую мы наблюдаем в настоящий момент, то окажется, что береговая линия изменила свои очертания, появились новые острова, а многие острова, находившиеся вблизи берега, соединились с ним и стали полуостровами.

Недалеко время, когда начнется заполнение водоохранилищ на великих стройках и будут созданы «водные реки». Вступит в строй крупнейшие в мире гидроэлектростанции. В связи с этим изменится и сток Волги. Как на это будет реагировать уровень Каспийского моря, как изменится его гидрологический режим? На эти вопросы надо дать ответ сейчас. Необходимо дать прогноз всех изменений, которые произойдут в море, чтобы правильно могли планировать свою работу такие отрасли народного хозяйства, как рыбная промышленность и морской транспорт.

Многие научно-исследовательские институты послали свои экспедиции к местам великих битв с природой. В этом наступлении приняла участие и наша моздокбинная экспедиция: состоящая в основном из молодых сотрудников и аспирантов Каспийского отдела Института океанологии Академии наук СССР и студентов-гидрологов Московского университета.

...6 часов утра. На нас будит вахтенный. Выкупаемся в море и позавтракав, приступаем к работе.

Ещё накануне вечером мы подошли к месту, где нам надо производить наблюдения, и встали на якорь. Сейчас начинаем измерения. Геннадий опускает лот, чтобы определить глубину, измеряет температуру воды. Я занимаюсь метеорологическими наблюдениями: измеряю температуру воздуха, скорость и направление ветра, узнаю влажность воздуха. Лаборантка Юра Михайлов и Клава Алексеевна запускают оплавки: им нужно узнать скорость и направление течений. Окончив метеонаблюдения, беру батометром пробу воды. Эта каспийская вода в герметически закрытых бутылочках будет доставлена в Москву для химического анализа. Потом нужно достать образец грунта. На этом заканчивается комплекс наблюдений.

Юра возвращается к машине, а мы с Геннадием — на якорную лебёвку. Переходим к следующей вертялке. Если ветер хороший, в помощь машине ставим парус, и наша «Анамба» значительно ускоряет ход. Время к полудню. Всё сильнее и сильнее припекает солнце. Мы начинаем красноречиво приглядывать на Клаву. Работа на свежем воздухе отнюдь не способствует уменьшению нашего аппетита. Сегодня за обедом Клава неожиданно заявляет, что завтра мы рискуем оказаться без горячей пищи, так как коросин кончается и обед готовить будет не на чем. «Военный совет»: где достать коросин? Мы находимся в открытом море, и эта проблема на первый взгляд неразрешима. Но это только на первый взгляд. В море идёт лов рыбы, и вокруг нас находятся сточные лодки рыболюбивых колхозов, плучные рыбозаводы и даже стоящие на якоре баржи, на которых расположены магазины. Мы уже давно не удивляемся, когда

мимо нас под парусом проносятся «фильназ» такого магазина. Сегодня он предлагает нам чудесные арбузы. Мы очень дружим с рыбаками, всегда готовыми помочь нам в работе. Мы рассказываем им о наших целях, делимся новостями.

На этот раз ближе всего к нам находится Волго-Каспийский плучовый маяк, и мы решаем идти к нему. Происходит обмен книгами. Работники маяка отдают нам прочитанные ими книги, а мы им — свои. Здесь же мы получаем и коросин, и вскоре от плучи начинает исходить аромат жареной рыбы.

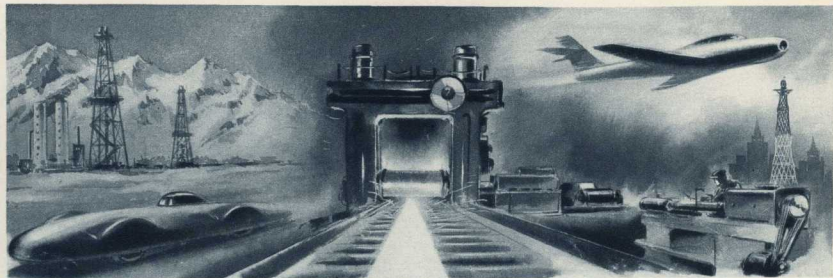
Так протекает наши будни. Но вот работа подходит к концу. Из района Чепурных островов идём к одному из плучовых рыбозаводов, где у нас назначена встреча со вторым судном экспедиции, «Снайпером». На нём находится начальник нашей экспедиции профессор Борис Александрович Аполлов. По своей жанеральности и трудолюбивости он с полным правом может считаться одним из самых молодых участников нашей молодежной экспедиции. Сейчас он возвращается после проверки работы других отрядов нашей экспедиции, и мы с нетерпением ожидаем новостей о ваших товарищах, работающих на острове Долгом, в заливе Кара-Богаз-Гол и на острове Артёма.

Всю ночь дается переход, и только к утру мы подходим к плучовому рыбозаводу. Погода ухудшилась. Холодный северный ветер и волны очень мешают швартовке. Здесь нас уже заждались. На борту «Снайпера» участники экспедиции: научный сотрудник Института океанологии Женя Фёдоров и студентка геофака Московского университета Таяя Смирнова. Вместе с Б. А. Аполловым они проводили гидрологические наблюдения. В другой отряд, которые разбросаны по юго-восточной части северного Каспия, работают многие студенты-дипломники географического факультета МГУ.

Есть молодежные экспедиционные отряды и в заливе Кара-Богаз-Гол, Студентам-гидрологом Московского университета поручена ответственная работа по изучению гидрологического режима пролива, соединяющего Кара-Богаз с морем. Уровень в этом заливе значительно ниже, чем в море, и каспийская вода на большой скорости устремляется в залив. Особенную опасность для работы представляла находящийся в проливе двухметровый водопад. Однажды у катера, на котором работал отряд, отвалил мотор, и как往常, вблизи водоплада. Создалось угрожающее положение, но ребята не растерялись, спрыгнули в воду и удерживали катер до окончания ремонта. Хорошо ещё, что это «купание» произошло не в самом Кара-Богазе, где вода настолько солоната, что разъедает малейшую парашину.

В Астрахани нашу экспедицию ожидал приятный сюрприз. Нам сказали, что судно «Анамба» отправляется вверх по Волге, в Москву. И вот мы проходим мимо строительных площадок сталинских новостроек. Везде кипит жизнь. Напротив чума, вниз по реке, идут пароходы и баржи с грузом, пассажирские теплоходы и буксиры, тянущие за собой громадные плоты леса.

Ночью мы увидели огни Химок. Экспедиция была закончена.

Высокие скорости

Инженер А. МОРОЗОВ

Впрямую минуты и секунды не играли серьезной роли в работе людей. Есть даже языки, в которых для обозначения самого короткого промежутка времени было только одно слово — «час».

В первых типах паровой машины краны, меняющие направление хода, открывали и закрывали мальчик. Десять — двенадцать холодов поршня в минуту были скоростью, считавшейся очень высокой. Управляя кранами паровой машины, мальчик успевал даже съесть свой завтрак.

Но пытливым ум человека сравнительно недавно мирился с таким положением. Движения поршня становились всё быстрее, и «жизни» деталей паровой машины заменили эксцентрик и золотник.

В двигателях внутреннего сгорания, в которых полный цикл длится сотые доли секунды, работа клапанов определяется тысячными её долями. Но в тысячные доли секунды не удовлетворит современную технику, в некоторых случаях это огромный промежуток времени. Микросекунда — миллионная доля секунды — потребовала точного учёта себя, и не только учёта, но и дальнейшего дробления. Мы уже говорили о десятках сот в некоторых частях микросекунды, как когда-то говорили о минутах и секундах. Микросекунда давно стала для нас реальностью. Мы научились управлять радиоволнами, распространяющимися со скоростью света: 300 тысяч километров в секунду. В современных радиоустройствах, служащих для получения микроволн, колебания происходят с чудовищной скоростью — сотни миллиардов в секунду. И это не предел: техника будущего создаст установки, в которых колебания будут идти с ещё большей скоростью.

Что же даёт человеку проникновение в мир сверхскоростей? Самым разительным примером может служить разрушение ядра атома, крепчайшей из всех крепостей; оно стало возможно только благодаря тому, что в распространяющемся человеке оказались «заряды» — ничтожно малые нейтральные частицы, летящие с огромной скоростью. Скорость — вот что сообщает «ядерной артиллерии» её неслыханную разрушительную силу.

Работа со сверхскоростными установками, приборами, аппаратами, машинами поставила перед техникой совершенно новые проблемы. В этих установках не должно быть инерции движущихся деталей. Потребовались новые материалы, не боющиеся нагрева, не меняющие своих свойств при очень высокой температуре. Привычные формы деталей должны были уступить место новым, соответствующим условиям большой скорости. Это не только в области, где скорость достигает фантастических величин. Новой стала, например, техника транспорта, особенно воздушного.

Самолёты прошлого, летающие этажеркой, детали со скоростью около 200 километров в час. Самолёты осознанных сверхскоростей (скорость распространения звука в воздухе примерно 1 200 кило-

метров в час) снабжены толстыми, обтекаемыми стреловидными крыльями. У них нет воздушных винтов, движущихся они благодаря реактивной тяге.

С огромной скоростью мчатся современные локомотивы, автомобили. Подчиняясь требованиям, предъявляемым сверхскоростным движением, форма этих машин неузнаваемо изменилась. Резкие изменения произошли в конструкции их двигателей, в системе управления всей машиной.

Скоростными делаются и машины, вся жизнь прикованные к одному месту. Каждый день на земном шаре выпускается огромное количество газетной бумаги. Современная бумажильная машина продвигает бумажную ленту со скоростью около 500 метров в минуту. Представьте, что на подобной машине произошла авария, которую удалось устранить уже через две минуты. Километр бумаги, выравнявшейся на волю за этот ничтожный промежуток времени, завалился бы все помещения фабрики.

Замечательные успехи достигнуты в повышении скорости холодной обработки металлов. Двадцать лет тому назад на заводе, где работает прославленный токарь Павел Быков, детали на станках обрабатывались со скоростью 15—25 метров в минуту. Теперь Павел Быков достиг скорости резания 2 200 метров в минуту. В 1932 году он решил довести её до 3 тысяч метров в минуту. Значит, резец будет пробовать по детали около 180 километров в час. С такой скоростью ещё недавно летали самолёты.

Хотя скоростное резание металлов и относится к холодной обработке, но при нём резцы нагреваются до такой высокой температуры, казавшую не выдерживают материалы, применявшиеся прежде для изготовления резцов. Большим достижением советских инструментальщиков является создание резцов из керамики, не боющихся высоких температур и не теряющих своих режущих свойств. Советские инструментальщики поставили перед станкостроительной промышленностью целый ряд и других новых задач.

Ставки, в которых широко автоматизируются отдельные операции, помогают рабочим добиваться верных показателей.

О том, какие трудности приходится преодолевать конструкторам новых станков, можно судить по тому, что при скоростном резании из-был резки выходит сотни и тысячи метров стружки в минуту. Удаление от станка этой твёрдой, острой, как бритва, стружки стало одной из технических проблем.

Некоторые операции, например, внутренняя шлифовка весьма малых отверстий, требуют чрезвычайной скорости движения абразивного инструмента — больше 100 тысяч оборотов в минуту. Электрические моторы, работающие от обычной городской сети, не могут развивать такую скорость вращения. На помощь приходят быстротечные токи, токи высокой частоты.

Сила движения наших коростников в том, что они к решению своих задач подходят в соответствии с требованиями самой передовой науки. То, что вчера казалось парадоксальным, сегодня становится понятием для каждого.

Устаревшая технология требовала от Павла Быкова одномерной обработки целого комплекта пластины. А он стал обрабатывать каждую деталь отдельно. Такой способ как будто удлинял рабочий процесс. Но при нём можно было повысить скорость резания. А это позволило увеличить производительность на 5 тысяч процентов!

Местопроизводительный и формулы, полученные наукой, говорили мастеру киринского производства П. Дуванову, что производительность колёвковой печи тем выше, чем больше кирпич-сырец находится в каждом кубометре её объёма. Однако Дуванов наперекор всему добился увеличения производительности печи, уменьшив её загрузку. Мастер скоростного обжига, пользующийся данными новой науки, открыл, что с уменьшением загрузки печи резко возрастает скорость движения огня. Целый колёвочный печь благодаря интенсивности обжига сокращается, и в этом секрет успеха мастера П. Дуванова.

Мастер скоростного бурения Ага Дадаш Кербалай бурит со скоростью 5 тысяч метров в месяц вместо обычной скорости бурения в 1 600—1 900 метров. Секрет его новаторства оказался совсем простым: нужно было только своевременно менять буровые долота.

Сталевар В. Михайлов доказал на практике, что скоростные плавки увеличивают жизнь сталеплавильной печи...

В нашей стране, в советской промышленности скорость не является самоцелью. Смелые новаторы подчиняют себе скорость, чтобы дать стране больше высококачественной продукции. Используя технику до дна, они борются с потерями времени, материалов, с износом инструмента. Они на практике решают проблему долговечности машин и продолжают путь для техники будущего — великопленной техники коммунизма.

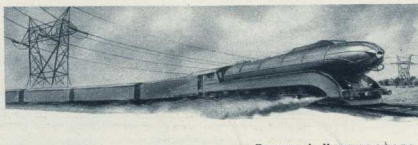

Рисунок А. Кагковского

НА ПУТЯХ БОЛЬШИХ...

Живая вода

Спокоен веков,
 любезная народу,
 Живёт легенда про Живую воду.
 Рассказ о том,
 что если злобой силой
 Смерть в человеке сердце потасила,
 То на него водою этой брызги —
 И он воскреснет,
 возвратится к жизни...

...Где некогда стояли города,
 Ушедшие в преданья навсегда,
 Ручьи звенели, птицы распевали,
 Поэты на пергаменте писали, —
 Теперь им птиц, им влаги —
 ничего.
 Куда ни глянь — пока ещё мертво.
 Но есть приказ, подписанный в Кремле,
 Жизнь вернуть безжизненной земле...
 Большой водой

повёрнутой реки
 Мы вспять отбросим жёлтые пески.
 Поднимутся, как в скалке, города,
 И вопиет долгожданная вода
 Хлопчатник снежный, сочные маслины
 И солёного прота альпийские.
 Кто сможет не поверить нам тогда,
 Что на земле Живая есть вода!

Молодой туркменский поэт Анна Ковусов родился в рыбацком посёлке Гасан-Були, на берегу Каспия. Первые стихи Ковусова были напечатаны в 1943 году в республиканских газетах. В этих стихах поэт — тогда гвардии сержант, командир отделения автоматчиков — воспевал героизм и боевую дружбу советских воинов. Первая книга Ковусова, поэма «Рыбакан», вышла в 1947 году. В 1950 году вышел сборник его стихов «Мой солнечный край». В настоящее время издательство «Молодая гвардия» готовит к печати книгу стихов Ковусова «Утро Кара-Кумов» в переводе на русский язык. Анна Ковусов — студент Литературного института имени А. М. Горького.

Мальчик из Казанджика

Мальчишка рос в Казанджике,
 Тем удивляя мать,
 Что шароходы на песке
 Любил он рисовать.

Бывало, сыну в те года
 Мать скажет:
 «Эх, сынок,
 Ведь кораблим нужна вода,
 А здесь один песок».
 С тех пор немало утекало
 Смычного песка.
 И в отчий дом письмом пришло
 От сына-моряка.

Он ходит по Аму-реке.
 И скоро будет мать
 Его в родном Казанджике
 На пристани встретить.

Моей любимой

Ваал

Долина Гнева

Курган пыльный,
 а налево,
 Где карагач сухой расцёт,
 Шофёр через долину Гнева
 Трёхтонку новую ведёт.

Пункт извещений будет скоро.
 Там заглохнет мый водой.
 У смуглящего шофёра
 Чепеют косы за спиной.

Вальсый пар от перегрева
 Над радиатором встаёт.
 На соти вёрст долина Гнева
 Ложит,
 как лоно жёлтых вод.

Давно ль тонул здесь, как в трясине,
 Вербауд —
 туркменский вздоход?
 А ничего едем мы в машине,
 И песни девушка поёт.

Поёт про то,
 как прошлым летом
 Почти прямую, словно нить,
 Сумели мы дорогу эту
 Через долину проложить.

Течёт песок горячих лава
 Пустыней — вьдаль и поперёк.
 А над песками ходит слава
 Простых строителей дорог.

И знают все в Туркменистане,
 Что та близка уже пора,
 Когда долина Гнева станет
 Долиной Братства и Добра!

На века туркмен теперь богат

«Тот богат, —
 гласит у нас молва, —
 У кого вода есть и дрова»,
 Оттого молва та рождена,
 Что водой Туркмения бедна
 И леса, которые в ней есть,
 Можно все по пальцам перечесть.

Времён стремительного ход
 Дышит гордым пафосом работ.
 Мы творим в пустыне чудеса:
 Создаём озёра и леса.
 И теряет старая молва
 На существование права.
 Новые пословицы сейчас
 Рождены в Туркмении у нас.
 И в лесах,
 где строится канал,

Мне на днях старик один сказал:
 «На века туркмен теперь богат,
 Потому, что русскому он брат.

Снова ветры тёплые подул,
 Ветерок запутался в листьях.
 Я родилась — в маленьком ауле,
 Родилась ты —
 в городе Москве.

Шёл я в жизнь не узкою тропой,
 Да и ты не Золушкой росла.
 Мы навечно встретились с тобой
 Майским утром первого числа.

Мчалось время звонкими ручьями.
 И не раз,
 перо зажав в руке,
 Я писал стихи тебе ночами
 На родном туркменском языке.
 Сердце к сердцу тнитесь с любовью.
 И не раз
 с улыбкой ясной ты
 Призывала мне из Подмосквы
 Любовные синие цветы.

Я родился в юрте на Востоке,
 Ты — в Москве.
 И на путях больших
 Мы с тобой радость и тревоги
 Честно поделали на двоих.

Чувствуем мы крылья за плечами,
 Нас друзья алькабильными зовут.
 И когда мне пишут агульчане,
 То тебе поклон передают.

Перевёл с туркменского
 Я. КОЗЛОВСКИЙ

В НАШЕМ ДОМЕ КУЛЬТУРЫ

Три года тому назад Володя Павлов пришёл в драмкружок Дома культуры имени М. Горького.

Время работы в кружке не прошло даром. Владимир Павлов уже показал себя способным исполнителем характерных ролей. Удачно сыгран им Прохор («Васса Железнова» Горького), дед Авдей («Свадьба с приданым» Дьяконова) и другие роли. Успешно выступил он как чтец в Колонной зале Дома Союзов в дни съезда профсоюзной художественной самодеятельности.

Привить вкус к упорной, систематической творческой учёбе, к дисциплине — вот к чему прежде всего стремятся руководители самодеятельных кружков нашего Дома культуры в своей воспитательной работе с новичками. А талантливой молодёжи приходит к нам немало! Хозяйка Дома культуры имени М. Горького — рабочая профсоюз пищевой промышленности. Но двери Дома культуры широко открыты для всех желающих. В нашем коллективе художественной самодеятельности свыше трёхсот человек. Среди них учащиеся ФЗУ, служащие, студенты, школьники. Кроме драмкружка, у нас есть два духовых оркестра, симфонический оркестр, хор, чтецкая, вокальная, хореографическая и акробатическая группы, изостудия. Занятия в них ведутся по утверждённой программе, точно по расписанию.

На сцене Дома культуры силами самодеятельности часто ставятся спектакли, устраиваются концерты. Наши концертные бригады выступают и в других рабочих клубах столицы.

Некоторые из наших кружковцев нашли в искусстве своё настоящее призвание. Так, например, работница гудового завода вокалистка Тамара Давыдовна поступила в музыкальную школу, драмкружковец Николай Рушковский — ныне студент театрального института.

В. КОТИКОВ,

художественный руководитель
Дома культуры имени М. Горького

«Васса Железнова» М. Горького — одна из лучших постановок драматического коллектива. Хорошо сыграны в этой пьесе старшая участница самодеятельности инженер П. В. Рушова (Васса Железнова) и копирувальщица Б. Богуславская (Людмила).

← Стремительно танцует чардаш Валя Овечкина, одна из лучших работниц 19-й хлебобакерии.

Весело звучат русские народные песни в исполнении чтечихи-вокалистки Майи Дубасовой.

Мастерски читает отрывок из романа «Бронепоезд 14-69» В. С. Иванова студент Владимир Павлов.

Участники хора репетируют новую песню. Скоро зрители услышат её на концертах.

Задумчиво поёт «Колыбельную» Блантера →
Валентина Айшнина.

«Внимание!» — раздаётся голос дирижёра. Смычковая группа симфонического оркестра приготовилась разучивать «Торжественный марш» Гринга.

Академик С. Л. Соболев делает разбор алгебраической задачи.

Наши олимпиады

Почти каждое воскресное утро в большие дни Московского государственного университета устремляется пестрый поток молодежи. Это старшеклассники средних школ столицы, которые направляются на очередную школьную олимпиаду. Такие олимпиады в МГУ проводятся на семи факультетах. Одних учащихся алет математика и физика, других — география, третьи стремятся участвовать в олимпиаде по литературе и языку. Некоторые ошибочно полагают, что олимпиада — это что то вроде викторины. Между тем вопросы олимпиады совершенно не преследуют целей внешней занимательности и развлекательности. Олимпиада — это и не та обычная проверка знаний учащихся, которая проводится повседневно в школе. На олимпиаде выявляются охотники и интерес учащегося к данной отрасли науки с тем, чтобы систематически углублять его работу в этой области. Олимпиады в университете практикуются уже много лет. Так, например, математическая была проведена уже 15 раз, физическая — 13, химическая — 6.

Перед каждой олимпиадой преподаватели и студенты МГУ проводят особые консультации для школьников. Иногда по районам города устраиваются предварительные так называемые малые олимпиады.

Количество участников университетских олимпиад растёт с каждым годом. В матема-

тической олимпиаде нынешнего года участвовало около полсоты тысяч школьников, в химической — больше девятисот. Вся обстановка олимпиады необычайно увлекательна. Ребятам предлагается не только решение нескольких задач или упражнений в письменной форме. На физической и химической олимпиадах ребята попадают в лаборатории, где выполняют задания экспериментального характера, т. е. показывают умение работать с приборами.

Особым вниманием у школьников пользуется олимпиада географического факультета. Учащимся задаются вопросы о грандиозном сталинском плане преобразования природы, о великих стройках коммунизма. В интересной, живой форме проверяется умение ребят пользоваться картой. А как увлекательно можно рассказать историю того или иного географического открытия, например, о роли русских исследователей в изучении Центральной Азии, о крупнейших полярных экспедициях советских учёных и т. д.

Есть ребята, которые несколько лет подряд посещают олимпиаду какого-нибудь одного факультета. Успешно решая все задания, получая каждый год грамоту или премию, такие ученики совершенствуют свои знания и нередко по окончании средней школы выбирают для поступления именно тот факультет и ту специальность, которая увлекла их ещё на

школьной скамье. У одного из профессоров химического факультета хранятся любительские фотографии: на одних он снят с юными участниками химической олимпиады — школьниками, а на других мы видим его с ними же, но ставшими уже студентами и аспирантами факультета.

Своеобразный характер имеют олимпиады по гуманитарным наукам. В прошлом году первый раз была организована олимпиада по литературе и языку. Вопросы и упражнения, которые задавались учащим на этой олимпиаде, рассчитаны были в основном на программный материал, но иногда несколько выходили за его рамки. На олимпиаде проверялось знание русской и зарубежной литературы, знание грамматики, навыки изложения, знание иностранного языка.

Самая молодая из университетских олимпиад — это олимпиада исторического факультета, проведённая впервые только в этом году. Эта олимпиада ставит себе задачей развлекать и углублять интерес школьников к историческому прошлому и настоящему нашей Родины. Участники этой олимпиады, ученики 9 и 10-х классов, должны были ответить в письменной форме на ряд разнообразных вопросов, главным образом по истории СССР и по новой истории. В заданиях исторической олимпиады входила, например, такой интересный пункт: по тексту исторического документа, подлинника из того или иного памятника, учащимся предлагалось определить, какой это документ, кратко охарактеризовать время его возникновения и его значение.

Самый интересный для школьников день — это последний день олимпиады, день подведения итогов и премирования. Ещё накануне жюри заканчивает просмотр всех работ и определяет отличившихся. В 10 часов утра в одной из самых больших аудиторий собирается участвие второго тура олимпиады. На последней математической олимпиаде, которая проходила в апреле, перед ребятами выступил академик С. Л. Соболев. Он сделал разбор задач по второму туру, указав на самые типичные ошибки, которые встречаются в такого рода задачах. Конечно, самым волнующим моментом олимпиады является торжественное заседание жюри. Здесь и присутствуют все участники олимпиады, учителя школ и студенты факультета жюри оглашает славные итоги. Вручаются премии и грамоты отличившимся учащим. Только по математической олимпиаде ценными подарками было премировано 40 учащихся. Почтальонские отчёты получили 88 учащихся.

Так с каждым годом всё более растёт и крепнет связь МГУ со школьниками столицы.

А. В. АЛПАТОВ,
заместитель председателя
методической комиссии
по олимпиадам МГУ

В советской Эстонии город Тарту называют городом учащейся молодежи. Здесь находится Государственный университет, Эстонская сельскохозяйственная академия, Учительский институт, Художественная школа, Медицинские училище, три техникума, больше десяти средних и семилетних школ. Статистики говорят, что каждый четвертый житель города Тарту — учащийся.

Гордыстью города является университет, который в этом году отмечает своё столетие. Известно, что до сотни годы своего существования он видел в своих стенах много замечательных людей, имена которых известны во всём Советском Союзе. Это Н. И. Пирогов, В. Я. Струве, Н. Бурденко, Н. И. Луини и другие. Здесь учился и В. В. Вереснев, известный писатель и литературовед, который в своих воспоминаниях о Тарту (Дерпте) даёт картины из жизни студенчества конца XIX века.

С приходом советской власти двери университета распахнулись для детей трудящихся. Здесь учатся теперь и те, кто в буржуазной Эстонии не могли

даже мечтать о получении высшего образования. В центре города, в красном парке, находится фундаментальная библиотека университета, где хранится свыше миллиона томов книг. Просторные читальные залы заполнены студентами. В многочисленных лабораториях недавно отстро-

енного химического корпуса с утра до вечера кипит жизнь: это будущие химики, биологи, фармацевты готовят статьи хорошие специалисты. Тартуский университет славится своими клиниками, где сотни будущих врачей под руководством опытных профессоров проходят учебную практику.

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В центре старой крепости возвышается здание Тартуского университета. В 1813 по инициативе профессора астрономических наблюдений. Теперь здесь будущие астрономы изучают вопросы современной космогонии.

Студенты серьезно занимаются научной работой. Недавно прошедшая пятая научная студенческая конференция заслушала 87 научных докладов членов ИСО.

Многие студенты университета — комсомольцы. В учебных группах, на курсах они занимают ведущее место. Работы комсомола с каждым днем растут.

Студенчество Тартуского государственного университета имеет полнокровное, активное участие в жизни Советского Союза. Это больше всего проявляется в летние каникулы, когда студенты Тартуского университета отправляются на экскурсии в университеты крупнейших городов РСФСР.

И. ФЕЛДБАХ, А. РАУМАН

Карл Павлович Брюллов

Исполилось сто лет со дня смерти одного из крупнейших русских художников XIX века, Карла Павловича Брюллова. Великий мастер кисти, прославивший своими картинами русское искусство, Брюллов вместе с тем был человеком высоких гуманных идей, патриотом своей родины.

Карл Павлович родился 12 декабря 1799 года в семье живописца-миниатюриста и скульптора-резчика. Отец был его первым высказательным учителем. В возрасте десяти лет Брюллов поступил в Академию художеств. Учеба в академии давалась ему чрезвычайно легко. Брюллов скоро стал первым, признанным всеми учеником, блестяще выполнявшим все экзаменационные работы. Он неоднократно награждался серебряными и золотыми медалями.

Творческая инициатива учеников академии была скована канонами классицизма, который к этому времени уже изжил свои прогрессивные возможности. Эти каноны требовали от художника строгого следования академическим образам и соблюдения формальных правил. В годы своего пребывания в академии Брюллов подчинился этим порядкам, поэтому его первые работы и носят в себе многие характерные элементы академизма.

В 1821 году Брюллов кончает курс академии с аттестатом первой степени и Золотой медалью. С этого же времени в его творчестве начинают ярко проявляться черты реализма. Это вызывает конфликт между ним и руководством академии. Благодаря поддержке «Общества поощрения художников» Брюллов получил возможность поехать за границу для совершенствования своего мастерства. Пройдя короткие курсы, Брюллов, как и многие русские художники того времени, поселился в Италии (1823—1836 годы).

Новое, что проявилось в творчестве Брюллова, явилось отражением тех огромных социальных и политических сдвигов, которые происходили в русском обществе в 20-х годах XIX века. Своеобразно преломляясь в литературе и живописи, эти сдвиги положили начало новому направлению в искусстве, стремив-

Карл Павлович Брюллов.

шему к правдивому отражению действительности. Первую славу Брюллову приносят две картины из быта простых людей Италии — «Итальянское утро» и «Итальянский поленд».

На упреки академистов, осуждённых тем, что молодой художник ищет красоту не в старых формах, а в жизни, Брюллов отвечал, что он «намерен искать красоту в формах природы, которые нам чаще встречаются». В 1830—1833 годах Брюллов пишет свою знаменитую картину «Последний день Помпеи», изображающую ужас и отчаяние людей, застигнутых внезапным извержением Везувия. В этой картине было много нового, поражающего и увлекающего зрителя. О ней впоследствии Гершен писал:

«На громадной картине вы видите группы испуганных, остолбеневших людей; они стараются спастись; они погибают среди землетрясения, извержения вулкана, катаклизма;

они падают жертвой дикой, тупой, неправой силы, всякое сопротивление которой было бы бесполезно. Таково вдохновение, названное петебургской атмосферой».

Особый восторг эта картина вызвала в Италии, которая некогда дала миру много великих мастеров (Леонардо да Винчи, Рафаэль, Тициан и др.), а теперь прозябала под жестокашим гнѣтом австрийской воцѣнии. Брюллов был избран «профессором 1-й степени» Флорентийской академии художеств. Хорошо встретили картину и во Франции, где сразу же были сделаны с неё многочисленные гравюры (работы Жирара), широко распространение славу картины.

В 1836 году Брюллов возвратился на родину и целиком отдался творчеству.

Обладая огромной работоспособностью и вместе с тем необычайным талантом, он быстро пишет большое количество картин на исторические и бытовые темы. Особое значение имеют написанные им портреты, в которых он сочетал удивительное мастерство рисунка с перелачей внутренней жизни изображаемого человека, то есть становился на путь художественного реализма. Его «Автопортрет», портреты Крылова, Жуковского, Струговицкова, «Всадница», портрет Самойловой и другие принадлежат к шедеврам русской живописи. Известно, как восхищался мастерством Брюллова Пушкин.

К. Брюллов был не только замечательным мастером живописи, но и воспитателем молодых художников. Его школу прошли великий украинский поэт и живописец Т. Г. Шевченко, и дикой судьбе которого Брюллов принимал большое участие, и замечательный русский художник П. А. Федотов.

Брюллов внѣс в русскую живопись свет, игру красок, легкую грациозность, приблизил её к жизни. Своим могучим талантом он нанес последний удар обществу консервативному классицизму и расчистил путь торжеству художественного реализма, к которому он силой своего гения тянул а лучших своих произведений.

Профессор В. ДИТЯКОВ

Последний день Помпеи.

Государственный Русский музей. Ленинград.

К. П. Брюллов

РАССКАЗЫ НИКОЛАЯ БАБИНА

1. Серенада

Николай Бабин, один из знатной семьи охотников Бабиных, рассказал мне в последнюю встречу:

— На охоте такое бывает, что иному человеку кажется необычной. Усмехитесь: говори, дескать, сочинить всё можно! А того не поймёт, что дома, на печке, много не увидишь.

Было это прошлой осенью, в сентябре. Забрался я километров за двадцать пять от Татарки, к посёлку Троицкому. Там на болотистых озёрах ондатры много водятся. Взял с собой капканы, чтобы вечерами их по хаткам ондатры расставлять. Зверьки в это время кормятся. У них из хатки есть ход прямо в воду. А сама хатка высотой с метр из травы да мха плотного устроена. Там у зверя и лежанки из сухой травы — дом настоящий. Нырнёт ондатра, достанет корень, водоросль — и на кормовую площадку, где-нибудь на корке устроившуюся. А потом наестся, вернётся домой и тут — в капкан.

Ну вот, кожу я от хатки к хатке, расставляю ловушки, а ночь лунная, ясная, всё светом залито. Работать легко. Штуки пятнадцать капканов поставил; иду, по колена в воде бульваю, к берегу. Только вдруг слышу, кто-то издали движется сюда да громко так: буль-буль!

Думаю: кому на болоте быть ночью? Забрался на корку, глянул по направлению звука и оторопел: метрах в ста от меня стоит сохатый. Голову рогатую вверх поднял.

У лосей в это время гон начинается. Быки соперников ищут. Видно, этот меня за сохатого по бульканью принял и пошёл на сблизжение.

Тут я сообразил: скорее к берегу, к деревьям подаваться. Бык свирепый сейчас, а стрелять его нельзя в это время — браконьерство...

Быстро проскочил метров двадцать до берёз. Слышу: всё ещё лось к берегу. Я к дереву, которое потяжелее, подскочил, сватаясь за суку — и вверх, а ружьё тут и сорвалось. Только поднялся метра на три, а бык тут

как тут! Стал, голову наклонил, всхрапнул, ударила ногой и взревел: «Бу-у-у!»

Я сижу, нельзя сказать, чтобы в весёлом настроении, помалкиваю. А бык в ярость входит, землю роет, ревет. Плечом пробует, крепка ли берёза.

Не выдержал я, кричать на него начал: пошёл, бок, дурак! А он и на голос внимания не обращает. Я уж охрип, а он всё тут.

И смешно мне и скучно было. Сижу, как кукушка, на берёзе... И вспомнилась тут мне серенада «От лунного света зардел небо-склон...» и дальше: «Всех, любовию горяя, всех зову на смертный бой!» Так и этот сохатый кавалер на бой меня вызывал.

Верите ли, пробыл я на берёзе до шести часов утра. В это время колхозники на поля поехали, ушёл лось. А я ему сказал злогонку:

— Иди, иди, забияка! Иди свою поружку. Зимой мы с тобой встретимся — сочтёмся. Будешь знать, как людей на берёзе загоняют!

2. Глухая лиса

Отец придумал манки на лис и волков сделать. Всё лето возился, а добился своего.

Устроил такие маночки, с которыми, потренировавшись, можно умело подражать крику зайца или жусли. Особенно падали волк и лиса на голоса животных, попавших в беду. Мигом на звук прибегут.

Научил нас отец манками пользоваться. Стали мы добычинее промышлять.

Заберёшься в места, где лис водятся, замаскируешься, окопашься в кустах.

Белый мискалат, белый капюшон, белые рукавицы — всё со снегом сливается.

Лежишь и покрываешь жалобно, как заяц:

— Ува, ува!

И где бы ни была лиса, сюда принесётся.

Однажды неподалёку от озера Казиткуль заметил я издали: лиса в поле мыщует.

Попробовал мышинному писку подражать — тот же результат. Что, думаю, за октябрь? Этой зимой убил я около ста лис и почти всех на манок взял. А тут не действует техника...

Рассердился. Встал и начал к лисе подходить из-под ветра.

Иду, она меня не видит, продолжает заниматься своим делом.

Уже около ста метров остаётся между нами. Иду в открытую, а она хоть бы что. Тут издала на меня озорство, возьми я и крикну:

— Эй, лиска! Ты глухая?

И опять никакого толку! Охота у неё, видать, удавалась. Не отяжелялась.

Когда подошёл я метров на семьдесят, она повернулась, меня заметила. Только тут уж от карточки некуда бежать.

Рассказал дома об этом случае. Отец сказал тогда, что лиса эта глухая была; также тоже встречается. Амышей она чутьёб отыскивала.

Устроился в кустах, начал её подманивать в манок — не обращает никакого внимания.

Н. МИЗИН

Напыщенный котан

Басня

В капутном доле

Напыщенный Котан

Раскинул крылья — и доволен.

«Бог», — думает, — какой я великан!»

Среди сомнительных друзей

Кой-кто ему не покупался на леи,

И Котану казаться стали все вилайи

И неказисты и мелки.

Они старались ластяся сжать паутине,

А он торопился, чтоб выглядесть

пышнее.

Решив, что наконец он вправе

Быть в более широкой славе,

Котан с отменным вдохновеньем

Взялся спрочить,

то жалоб,

то заявляя:

«Меня б на выставку пора давно,

Да зажимает огородное зveno.

Недооценил Любовь взять гриду —

Одну я на виду!

А вот, поди ж, не разгадаем

Все, вплоть до артефакта артеми!»

С тем Котаном хлопот никто

не избежал.

А осенью о нём

— Эк ты разоросся, словно куст!

Да пуги!

Не жди, Котан, похва,

Покуда на весах не похваля!

г. Сталинград

Лауреаты Сталинской премии актрисы Театра имени Вахтангова сёстры Лариса и Галина Пашовы.

Фото Г. Борисова

Игра началась в быстром темпе.

Динамовцам приходится нелегко.

ОНИ БУДУТ МАСТЕРАМИ!

У ворот стадиона Юных пионеров Борис Бодин, ученик 145-й школы, подошёл к невеселому плотному человеку и дрожащим от волнения голосом спросил:

— Скажите, пожалуйста, где тут записывают в футбольную секцию?

Незнакомцем поиска взглянул на щупленького белобрысого мальчика.

— Какую отметку получал по русскому?

Бодин, опеши, растерянно заморгал...

— Наверное, двойку? Таких в секцию не принимают...

— Да нет, четвёрку...— чуть слышно проговорил Борис.

Незнакомец взял его за плечи, внимательно посмотрел на покрасневшее лицо и, едва заметно усмехнувшись, сказал:

— Видишь домик с башенками? Иди туда...

В большой комнате, уставленной мягкой мебелью, уже сидели мальчишки.

Заметив Сашу Святыха, ученика седьмого класса их школы, Бодин обрадовался. Ведь это он рассказывал Борису о секции! Борис направился к товарищу, но в этот момент вошёл человек, которого он встретил возле ворот стадиона.

Подойдя к столу, человек порылся в карманах и, пряча лукавую улыбку, сокрушённо проговорил:

— Забыл папиросы...

Трое из мальчишек быстро протянули пачку папирос.

— И спичек нет...

Нашлись и спички.

Так, медленно прозвонив человека, держа в руках разглаженную папиросу.—Начинаете спортивную жизнь с табака?

И вдруг резко повысил голос: — Когда бросите курить, тогда и приходите!

— Кто это?— тихонько спросил у приятеля Борис.

— Наш тренер, Владимир Георгиевич Балшков,— с гордостью сказал Саша.

сте с другими новичками держал экзамен. Владимир Георгиевич проверял скорость бега, умение владеть мячом, удары, способность ориентироваться на поле. После этого он сообщил, кто из мальчишек записывается в школу. Остальных тренер собрал вокруг себя. Среди них был Бодин.

— Вы, ребята,— сказал Владимир Георгиевич,— должны подготавливаться дома или в школьной команде. Я покажу все виды ударов по мячу, объясню, как надо тренироваться, а вы запоминайте...

Домой Борис возвращался с Сашей. Вместе с ними шла коренастый, широкоплечий юноша Василий Ахсёнов. Боря был грустен. У себя во дворе, да и в школе он

считался одним из лучших игроков. И вдруг его не приняли.

— Ты, брат, не грусти,— сказал Василий, хлонув Бору по плечу.—Я тоже не сразу попал в школу. Большие года тренировался во дворе. Главное—упорно добиваться цели. Есть свободная минута—упражняйся с мячом. Идти в школу, на пути пригорок—пробегись! Будут смеяться, не обращай внимания. Не забывай гимнастику по утру...

С этого дня Бодин всё свободное время отдавал футболу. Даже идти в кино или театр, просто гулять с ребятами по улице, Борис отложил в сторону, чтобы проделать какое-нибудь упражнение. А через год он во второй раз пошёл на стадион Юных пионеров.

Владимир Георгиевич сидел на вышке, стоящей у края поля, и внимательно следил за игрой. Переч имя был установлен микрофон.

— Стоп!—раздался его голос.—Ермаков, опять не то делаешь! Зачем передал мяч Ахсёнову? Морозов находится в более выгодном положении. Не забывай, что видеть поле—важнейшее качество футболиста... Продолжаем!

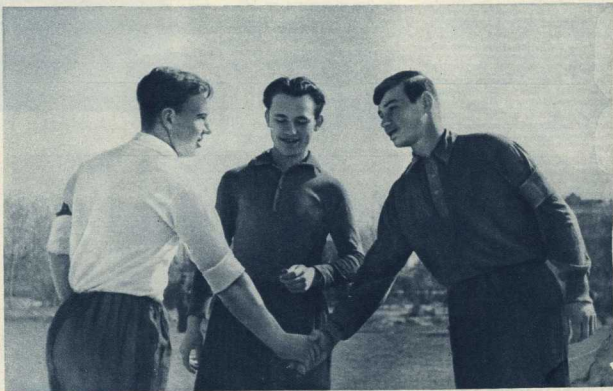
Когда тренировка окончилась, Борис подошёл к Балшкову:

— Здравствуйте, я это... вот...

Балшков внимательно посмотрел на Бодина:

— А-а, помню, помню! Ну, что ж, показывай, чему научился!

Начался экзамен. Бодин был по воротам правой, левой ногой, уда-

Капитаны команд обмениваются перед игрой рукопожатием (справа Борис Бодин).

рал по мочу носком, подтягом, щёчкой, играл головой, показывала, как он обводит. Владимир Георгиевич хмурил брови, потирая рукой подбородок, шурял глазами. Потом он молотил к себе Бориса.

— Ну, что же с тобой делать?..— сказал тренер и, улыбаясь, добавил:— Молодец! Пяти замечание. Но помни, чтоб ни одна отметка не снижалась в табеле!

В секции строго следили за успеваемостью каждого.

Однажды, придя на тренировку, Борис увидел ребят, толпившихся возле нового номера стеной газеты. В глаза бросилась карикатура. Там был нарисован огромный футболист с маленькой головой. Под рисунком стояло: «Нам не нужны такие эсперантомены». В заметке сообщалось о том, что Виталий Арубов стал плохо учиться и поэтому на год исключён из спортивной школы.

Борису показалась эта мера слишком жестокой. Он даже написал своё мнение Василию Аксёнову.

— Жестокая?— удивился Аксёнов.— Ну, ты не прав. Мы должны показывать пример везде: в учёбе, в быту, в спорте,— вот чему учит нас Владимир Георгиевич. А Виталий предупреждал много раз и на совете секции и на комсомольской группе...

Всёгда за Борисом Бодяным в школу записались его младший брат, Михаил, и один из лучших футболистов школьной команды, ученик девятого класса Лёва Шулов. Привёл в секцию своего сына Алёшу и сосед, председатель завкома Алексей Трофимович Приставко.

— Хочу, чтоб был мужчиной,— сказал он, обращаясь к Бляню.— Я всё время на работе, жена тоже. Мальчишка предоставлен сам себе. А спорт дисциплинирует. Сам футболист, видно.

Алёша Приставко, маленький, худенький мальчик, сначала занимался хоккеем, а потом был зачислен в футбольную команду. За один сезон мальчик развился в плечух, вырос, прибавил в весе. Возмужал и окрепнул Сушков, Романи, Зверев— да всех и не перечислишь!

Поздним вечером Владимир Георгиевич сидит в своей маленькой комнате, разбирая очередную корреспонденцию. Блянюкову пишут с Дальнего Востока, из Сибири, из Средней Азии. Ученики выросли, закончили образование, получили профессии. На все звания у них отсылается любовь к спорту, привитая им в детской спортивной школе. Вот письмо от Германа Копранова:

«Знания, полученные у Вас, помогли мне здесь, на флоте, организовать дружный физкультурный коллектив. Между прочим, дорогой Владимир Георгиевич, я встретил здесь ребят, которые когда-то тоже учились у Вас... Комсомольская организация поручила мне возглавить спортивную работу. Если бы не Вы, разве я смог бы оправдать доверие комсомола?»

Много таких писем получает Владимир Георгиевич Блянюков. Семья, любимые тренеры, дали прекрасные восходы. Растёт новая армия культурных, образованных советских спортсменов, преданных Родине, любящих спорт. А прививать любовь к спорту, служить ему верно— такова жизненная цель Владимира Георгиевича Блянюкова.

Н. ЛАРИН

Тренер внимательно следит за каждым движением гребцов.

ВЕСЛА НА ВОДУ!

Фотографы Н. Волкова
и В. Каменкова

Жизнь на водноспортивной станции ВЦСПС «Стрелка» обычно начинается с восьми часов утра. Но в этот день оживление началось там намного раньше. Мальчики, девочки, юноши, девушки, жмурясь от яркого солнца, нетерпеливо поспатывали на дверь, из которой должны были выйти тренеры во главе с начальником детской спортивной школы заслуженным мастером спорта Надеждой Семёновной Крутовой.

Сегодня день проверки дневников. «Каким бы ты ни был знаменитым чемпионом, но если невежливо идут дела в школе, тренировки придётся тебе пока прекратить!» Таков неписанный закон у юных гребцов.

Но уже который месяц никто не лишился права занять своё место в лодке.

Старшие товарищи помогают младшим не только в спорте, но и в учёбе.

Новички с волнением спускают лодку на воду.

Вот и сейчас, когда дневники внимательно просмотрены тренерами, все торопливо направилось в раздевалку, чтобы подготовиться к уроку. А через 10—15 минут юные гребцы в спортивной одежде с шутками и смехом уже торопливо выносили на плот из эллингов вёсла, служили на воду остроносые, лёгкие лодки и, получив указания тренера, рассаживались по своим местам, с нетерпением ожидая команды: «Вёсла на воду!»

Четвёртый год плодотворно работает детская гребная школа при водноспортивной станции ВЦСПС.

Кропотливо и упорно изучают юные спортсмены под руководством опытных педагогов

секреты скорости, закаяны и мучны в тренировках. А когда наступает совершеннолетие, каждый выбирает себе спортивное общество, за которое он «болеет» на всех соревнованиях, и продолжает совершенствоваться, шлифовать свою технику уже в его рядах. Немало мастеров и чемпионов вышло из детской спортивной школы.

Интересно, увлекается ли широкая гребля. Всё, кажется, очень просто: сесть в лодку, взять в руки весла и грести. Но нет, это не так. Всею зиму в закрытом гребном бассейне при водной станции учиться работать веслом весело, правильно опускать его в воду, во-время отталкиваться им, вкладывая в движение вес тела. Всею зиму регулярно приходил на тренировки и те, кто не раз уже садился в лодку. Чтобы в совершенстве овладеть техникой гребли, необходимо тренироваться круглый год. Гребной сезон нелегко: если устал успевать основную — наступила зима, и если не подкреплять своих знаний в бассейне, на следующее лето надо будет начинать всё сначала.

Но не только в бассейне подерживают гребцы зимой спортивную форму. Они ходят на лыжах, на коньках, занимаются специальной гимнастикой. И какое счастье, когда река отступает ото льда, солнце пригревает всё теплее и теплее и ты садишься в лодку скляны, выносливый, готовый к грядущим состязаниям!

Время хватает и на учёбу и на тренировку. Надо только его правильно распределять. Настоячивость, упорство, приобретенные в тренировках, помогают в учёбе, учат не падать духом при неудачах, мобилизовать в трудную минуту все силы и побеждать.

Всего год назад пришли в гребную школу ученики 9-го класса Гаяна Филиппова, Евгений Кузнецов, Галина Архилова и Надежда Гринько. Подруги сказали Надежде Семёновой, что они много раз с волнением следят за сложной работой гребцов, за тем, как стремительно режутся искрящаяся вода, будто летят над ней длинные, похожие на ножи лодки.

— Мы очень хотим заниматься греблей, — закончили они, — вот только учимся мы во вторую смену...

— Это ничего, — ответила им Круглова, — у нас есть группы, которые тренируются по утрам.

И девушки стали регулярно приходить на водную станцию. Было нелегко. Но прошёл месяц, другой, и они уже не представляли, как они могли не заниматься спортом.

В сентябре 1961 года подруги заняли первое место среди молодых гребцов школы.

А в соревнованиях, посвящённых открытию гребного сезона 1962 года, среди юных спортсменов столичные они подали второе и третье места с динамовцами.

— Весело спаркивает Москва-Ласково колымага лодку, тёплый ветерок шевелит волосы.

А вот и звучит команда тренера: «Вёсла на воду!»

К новым победам, друзья!

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛАДИАТОРЫ

На арену выходит два гиганта, и схватка начинается. Вот один из борцов перелетает через голову другого и ударяется затылком о помост с такой силой, что кажется, будто он не встанет. Но через несколько секунд он уже тычет противника за воротные волосы, стараясь ногою свернуть ему челюсть. Оба стороны кричат, по ярким кругам бьются ярости или туло мычат, щепиншись друг в друга зубами, под дикую вой и свист зрителей.

Что это? Где это происходит? Моет быть, это драма перобытных людей из-за вности оленя? Пожирнок людожор?

Ни то, ни другое! Подобное зрелище можно видеть на самых больших аренах Соединённых Штатов, в Париже, Лондоне, Риме. Это «заменимый» изгн, так называемая американская борьба.

«Бит», за негн изгн, что означает «хватать, как мош», даже нельзя назвать борьбой. Это — дикое побоище, где разрешаются любые приемы, кроме ударов кулаком. Можно кусать, вырывать волосы, ломать руки, душить, бить ногой в лицо. Вот, например, как описывает изгн реакционная французская газета «Эпю», которую трудно заподозрить в отрицательной отношении к чему-либо, вышедшему из Соединённых Штатов: «Вначале бой был скучным. Потребовалось несколько минут, чтобы нападк обрёл себя и начал вырывать волосы американцу. Тот отвечал тем, что стал вымаривать канадцу дно ората».

В США, являющийся родиной этой варварской борьбы, встречи изгнчиков носят ещё более зверский характер. Перед нами американский спортивный журнал «Ринг». На одной из страниц изображён орошелавный бой с исчапленным ярости лицом, щепиншийся в волосы поавременного противника. Под снимком равнодушная подпись: «Убийца Карл Дэвис с лицом, завитым кровью, просит у рефери разрешения «прислушаться» соперника». Известно, что Дэвис не дождался ответа и осуществил свой намерение.

Серьезные случаи в изгн настолько обычны, что их не подаёт как сенсацию даже буржуазная спортивная пресса.

Получив удар ногой по челюсти, один из борцов влетел на воздух.

Победить любой ценой! Пусть даже для этого придётся побить противника щипцами, руками, свернуть голову!

Что же населает увечий, так называемый в своё время французский олимпиадник: «Пуген да во», «...сломяные руги и

переломанные позвоночкины — обычно явление».

Вместо эксплуатируемые хозяевами, у которых благодоря набальзовому контрагту эти современные гладиаторы находятся в полной власти, изгнчики вынуждены постоянно рисковать жизнью и в конце концов оказываются на улице, искалеченные, без гроба в нармане.

Зато немалый доход даёт изгн бизнесу мира от спорта. Так, например, во Франции за один только год он принёс устроителям вногн миллионы франков.

В стрелении извлекал максимальную прибыль владельцы не останавливаются ни перед чем. Чтобы привлечь публику, изгн начинают устраивать на площадках, покрытых слоем нефти, граза, на чучках гинной рыбы, а нападк в США вонны изгн для женщин.

Кудат насильно и жестоности, всегда являющийся неотъемлемым элементом буржуазного, и прежде всего американского, спорта, ныне наскаждется с особым рвением. Такие виды спорта, как изгн, усиленно рекламируются. Зверский характер изгн, смерть, увечья, кровь особенно милозвонящими являющимся, стремящимся сыграть на самых низменных инстинктах, приучить людей, и прежде всего молодёжь, к насильно и убийству.

А. КУЛЕШОВ

Карл Дэвис «прислушивает» своего противника.

Индия плечет

Поезд тронулся.
И вот неслышно,
С дымом паровоза заводно,
Цепко,
Вероятно, прямо с крыши
Вполз в вагон малыш
Через окно.

Это не было кусочком грязи,
Хоть и был он грязен
До бровей.
И фигурка крошечная сразу
Привлекла внимание людей.

Жалкая, она забилась в угол
И, казалась, замерла в углу,
Так же,
Как, завидев взгляд прислугой,
Замирает кошка на полу.

Но потом, взяв волю над собою,
Хрупкой,
Словно высохший камыш,
Ободренный нищеню толпою,
Посреди вагона
Встал малыш.

Встал, как верное изображение
Вечного страдания и томящейся,
Голодом подавленной мечты.

Встал, как спячок
С родины незрячей,
Как дымок над жемчужной горсточкей,
Как свиной носик нищеты.

Даже летом ёжился он забко,
Был бескровен
И бесплотен весь,
Лишь на бедрах
Копылашки трепяка,
Да глазёнки есть просили,
Есть!

Он стоял
С лицом темнее мрака,
Но блестя его просящий взгляд.

Молча, как побитая собака,
Всем в глаза заглядывая подра.

И когда, украдкою вздыхая,
Улыбнулся кое-кто,
То он,
Как артист, откашлялся, пытаясь
Что-то спеть колёсам в унисон.

Как бы ни было,
Но очень скоро
За собой он весь вагон увлёк:
Из его иссохшего горла
Вдруг пролился звуков ручей.

И хотя он пел довольно грустно,
Всё же у людей зажёг сердце,
Это настоящее искусство
Слышалось в мелодии певца.

Барабан собой изобразя,
Он играл рукой на животе.
И звучала
Песенка живая,
Зажигая звёзды в темноте.

И она росла в тоске и зное,
Полная мучений и тревог,
И её вперёд летящий поезд
Заглушить уже никак не мог.
Из окон рвалась до подбёбенья
И журчала, как в горах ключи.
И понятно было:
Этой песне
Человека голод научил.

Мальчик пел:
«Увы, не ради шутки
К вам пришёл я
С песнею сюда...
Злой огонь
Урчит в моём желудке...
Склянется надо мною, господа!»

Мальчик пел про голод и морозы
И про то, как чахнут бедняки.

И в ладошку хрупкую,
Как слёзы,
Падали скучные медяки.

Падали, как горькие рыдания,
Может быть, последние гроши.
О, толпы голодной
Состраданье,
Славлю я тебя от всей души!

Прославлю за обилие света
Души тех, кого терзает гнёт.
Мальчик пел...
И мне казалось: это
Родина голодная поёт.

Мальчик пел так сильно,
Так чистно,
Что казалось дином в этот час:
Он, рождённый
Быть большим артистом,
Простит подьяния у нас.

Слушая я,
И лютые морозы
Гнали дорож по телу моему.
И у всех навёртывались слёзы
На глазах,
Привывших ко всему.

Будь же ты благословен моими
Песнями отцовской седины —
Тот, кто первым
Грозный мечь поднимет
На порабитителей страны!

Долго ль будет
Лондонская слякоть
Властвовать над нашею судьбой?
Долго ль будем позволять им
Плакать
Индии — отчизне дорогой!.

Перевёл с языка малайялам
В. ЖУРАВЛЕВ

Юрген ЛЕНЦ

ЧЕЛОВЕК В ТРИОМЕ

Рассказ

Альфю хотелось повеселиться, потанцевать с девушками. На танцевальной площадке вертелись пары. Хозяин кабачка, душкопечей теможоний араб, кивнув в сторону Алфа, спросил:

— Аляричани?

— Шед, — коротко ответил я.

— Араб умехуеный коктейль! — крикнул он арабу. — Два заморожен-

ных коктейля!

Альф добродушно ответил:

— Да, моряки.

От танцующих отделилась пара и подошла к стойке. Лицо легионера под белым кеги пылаю. Ему было жарко. Он провёл рукой по вспотевшему лбу.

— Замороженный коктейль! — крикнул он арабу. — Два замороженных коктейля!

Хозяин поставил на стойку перед легионером и девушкой два стакана.

Легионер придвинул высокий табурет к стойке. Я только сейчас заметил, как молот от паренёк.

— Алло, выпьем! — предложил он, глядя на меня.

— Спасибо, я пью своё.

— А ты? — обратился он к Алфю.

Альф, улыбаясь, ответил:

— Не возражаю!

Легионер сдвинул на затылок кеги. У него были светлые волосы, однако не такие светлые, как у Алфа.

— Откуда вы прибыли? — спросил легионер.

— С хорабля, — ответил я.

— Из Марселя, — добавил Алф.

— А куда едете?

Кваке ему дело? Я пожал плечами, но Алф не удержался:

— В Непюль, а потом снова в Марсель.

— А мы из Седь-Бель-Аббеса... Ох, дружище, что за проклятая дыра, настоящая пустыня, только и знай одно — службу; никаких развлечений... — Он засопел. — Зато сегодня повеселюсь вволю. Надо пользоваться случаем... в наше время не знаешь, сколько тебе осталось жить на белом свете...

Он многозначительно посмотрел на нас: «Ионяля?»

— Какой ты националистический? — с злобыльством спросил Алф.

Легионер снова надувал на лоб кеги и, топочь по команде, ответил:

— Сержант distinguished Французского иностранного легиона, вернее, кандидат на тот свет! — Потом горько качая головой. — Не задавай таких проклятых вопросов!

Мне этот разговор был неприятен. Легионер говорил мрачным тоном, хотя сам выглядел благодушно. Девушка взяла легионера под руку, и они снова пошли танцевать.

Я повернулся к ним спиной. Моё внимание привлек другой легионер, который пробирался среди танцующих к маленькому столику. Он был высокого роста. Поверх военной формы на плечи был накинут мокрый плащ. Видимо, он только что вошёл с улицы, чтобы выпить рюмку: плаща он не снимал. Его глаза блуждали по комнате, и я заметил, что он оставил свой взгляд на мне и Алфе. Может быть, его удивило, что, кроме легионеров, здесь есть и другие посетители.

Было до одури жарко. Вентиляторы жужжали без толку: они не вносили свежести.

Альф с удивительством наблюдал суетою вокруг нас.

— Почему здесь столько легионеров? — спросил Алф хозяина.

Араб наморщил коричневый лоб.

— Война, — прошептал он, вытирая стойку грязнойгой салфеткой. — Боюсь горючее, когда транспорты войск идут во Вьетнам...

А к об этом и не подумал! — воскликнул Альф.

Настроение его было испорчено. Совершенно ясно: летчики находились в этом порту по пути на фронт. То, что мы столкнемся с этой грязной войной здесь, в Алжире, и не предполагал.

— Там пора на корабль, — сказала Альф, — через три часа отплытие. Мы протиснулись сквозь набитую людьми комнату и прошли к выходу мимо столика, у которого, потягивая аперитив, сидел лейтенант в плаще. Он кивнул нам, словно мы были знакомы. Я невольно ответил ему, хотя не помнил, чтобы мы где-либо встречались.

...Усталые, мы вернулись на борт.

...Утро выдалось хорошее. В шести морских милях от берега стоял наш корабль. Небо висело над ним, словно плоское шие стекло. Море волновалась мелкая рыба, корабль покачивался, то поднимаясь, то опускаясь. Из трубы шёл дым, таям маленькими разрозненными облачками. Мы были свободны от вахты и лежали, растянувшись в своё удовольствие на палубе. Испанец Мак занялся стиркой, развесил штаны тут же на протянутой верёвке. Альф лениво подраивал его.

Мак пошел к нам на корабль в Марселе. До этого он являлся на американском судне, но, воссоришившись во Франции со вторым штурманом, ушёл. На борт он делал, что хотел, частенько унывал от неинтересной работы на колоссных; однако когда брался за дело, то работал за двоих.

Разморщенный солнцем теплом, я клевал носом, прислушиваясь к ленивой перебранке между Максом и Альфом. Я чувствовал, как бьётся под нами сердце нашей старой калюши. Верой и правдой служило это потрёпанное ботами судно, которое плавало уже много лет, но мы были сравнительно молодой командой. Кроме капитана и корабельного плотника, остальные проделали лишь два рейса. Капитан и штурман были голландцы; мы шли под голландским флагом, который развевался на мачте. Корабль долгое время простоял в доке. Бербошхик сколотил команду из людей разных национальностей перед самым выходом в море. Я был счастлив, что после долгих лет безработицы снова мог ходить по палубе. Команда корабля хорошо сработалась и жила дружно.

От средних бимс, лобко обходя препятствия, к нам на палубу шёл плотник; он сдвинул зонт, чтобы заглянуть; его лицо типичного француза было коричневым от загара.

— Вы неплохо устроились, — сказал он, проходя мимо. — Помогите-ка мне.

Я приподнялся.

— Мне нужно в трюм. Хватит одного из вас, — сказал он, заметив, что и Альф встал.

Корабельный плотник был смелый, честный парень, и трудно было в чём-либо ему отказать. Я вскопчил, и мы пошел к месту, где хранились корабельные снасти.

Плотник бранился, открывая люк, который никак не поддавался. Наконец ему удалось отдрать его. В трюме было темно. Во время плавания разбился ламинатор, и плотник закрыл его куском железа. Тросы, нужные французам, как назло, лежали под ящиками и виструмером. Я лазил в темноте, набивая сияния, плотник копошился в другом конце трюма.

... Вот так штука! — услышала я его воалос.

Обернувшись, я увидела, что он чиркнул спичкой.

Мгновенная вспышка огня осветила лицо ещё одного человека.

— Как вы сюда попали? — строго спросил плотник и с раздражением прибавил: — Бродяга, бездельник!

... Человек молчал.

Я перепрыгнул через ведро с жидким мылом, через вилки трюса.

Плотник зажёг ещё одну спичку. Я увидел человека в плаще. В колеблющемся тусклом свете спички трудно было разглядеть его лицо, к тому же он опустил голову. Но я был уверен, что передо мною не кто иной, как лейтенант, являвшийся мне там, в баре. Конечно, он мог быть в бродяжке, одним из тех существовавших, несчастных людей, которые прокрадываются на борт корабля безбилетными пассажирами, чтобы в ближайшей гавани проскользнуть на берег, если их тут не изловят.

Плотник отскочил стеной шкафа, вынул свечу, потом запер дверь. В помещении была густая тьма. Её нарушил лишь чужой свет. При свете свечки я убедился, что перед нами действительно тот самый лейтенант. Он был без кепи. Волосы мокрими прядями спускались ему на лоб. Он был весь измазан, веки покраснели и припухли от пыли. Когда наши глаза встретились, он сделал попытку улыбнуться. Потом слегка повернулся, словно хотел присесть на ящик. Суворый взгляд плотника не отрывался от незнакомца.

— Как вы сюда попали? — повторил свой вопрос француз. Голос его звучал резко и раздражённо.

... Человек пытался ответить, но от волнения не мог выжать из себя ни слова.

... Может быть, он не понимает по-английски? — сказал я и после короткой паузы спросил: — Вы из Инностранного летного?

Корабельный плотник даже прислушался от удивления: — Вот оно что! Из Инностранного летного... Да? — спросил он незнакомца по-французски.

— Да! — живолюбно ответил человек. На ломаном французском языке он бросил отрывчатые, беспродолжительные фразы: — Меня зовут Альф... во Вьетнам... Мне там нечего делать... Я не хочу участвовать в этой несправедливой войне... Я пробирался домой... — Пятая гвезда вступила на его лице.

— А где твой дом? — спросил плотник.

... Германия.

Стало тихо. Плотник сказал незнакомцу, указывая на меня:

— Вот он тоже немец!

— Откуда вы? — спросил я по-немецки.

Рисунки Г. Филипповского

— Из Эльберфельда, — сказала незнакомка. — Понимаешь, я была безработной, голодая, и т. д.

— Говори по-французски, — сказала я, так как не хотел, чтобы плотник подумал, будто у нас от него секреты.

— Нишета, безработица на родине... Я не знал, как прожить, — продолжал человек.

— Ну и поверил обещаниям, их тебе немало попадавали. Да вот усемухнулся плотник! — Не ты первый попался на эту уловку. А потом вас погнали в колонию вместе с грязной войной, стрелять людей, законных хозяев своей страны. А зачем? Чтобы на их крохи жирели господа капиталисты. Небось, теперь ты усвоил эту истину, да? — спросил плотник.

Лейтенант хотел что-то ответить, но плотник продолжал: — Выходит, надлегло воевать за чужие интересы? Что ж, правильно поступил!

Плотник спохватился и посмотрел на меня:

— Никому о нём не говори... Безмерно я принесу ему пость.

— Я могу работать, — сказал лейтенант.

— Какое там работать! Сиди тихо, если и вправду не хочешь во Вьетнам.

Плотник разостал на ящиках брезент, я помог ему.

— Можешь тут прикурить?

— Из опрокинутого ящика посыпалась стружка. Плотник аворчал и сунул её под брезент.

Я слышал, как снаружи меня зовёт Альф. К нашей вахте уже пробило сияния. Мне надо было становиться к штурвалу, но я медлил.

— Иди, — сказала мне плотник. — И не бойся! Возвзонованный, я пошёл на мостик.

С нашим пассажиром всё обстояло благополучно. Мне больше не пришлось говорить с ним, но я знал, что на плотника можно положиться. Он запер трюм. Никто не имел права войти туда без его ведома.

... Столби безветренные дни и ночи. Поверхность моря была гладкая, и казалось, неизбежностей не предвидится. Мы приближались к Неаполю, и мой беспокойство понемногу стихало. После вахты я большое частью немедленно засыпал на своей койке.

Через двадцать часов мы должны были войти в порт. Я искал на палубе корабельного плотника, чтобы поговорить с ним, как действовало в Неаполе. Альф мне сказал, что плотник ушёл на другой конец далабу.

Ночь была тёплой. Дул освежающий бакажит. Когда судно медленно поднималось и опускалось, над нами танцевали звёзды.

В поисках плотника я снова пошёл на палубу. До меня доносился с мостика радужный голос. Ястинко слышался бас капитана.

— Я научу вас порядку! — кричал он.

«Её распекает ли капитан Альфа?» — подумал я и тут же услышал второй голос — возбуждённый и громкий. Дойдя до середины палубы, я по голосу узнал, что с капитаном говорил плотник. В испуге я начал прислушиваться. Говорил ещё третий. Это был Мак.

... Эльберфельд — город в Западной Германии.

Бесшумно взбежал я по трапу, стараясь не пропустить ни слова. Разговорный капитан не стеснялся в выражениях. Мак прервал его: — Я этого не знал, капитан. Я слышала только, как в трюме наш плотник разговаривает с кем-то по-французски...

Слова «в трюме» подлили масла в огонь, и капитан ещё сильнее разбушевался:

— Как мог этот бездельник спрятаться в трюме? Разве вы не задрали лок, когда мы стояли в порту?

— Человек объяснил вам, как он попал в трюм, — ответил плотник.

— И вы утверждаете, что ничего об этом не знали?

— Я уже сказал вам, капитан, что обнаружил этого человека после того, как мы вышли в море. — Плотник говорил спокойно.

— И что вы сделали? Пожалуй, ещё и кормил его?

— Да, капитан. Я сделал то, что сделал бы в подобном случае каждый честный человек.

— В подобном случае, в подобном случае! — зло повторил капитан.

— Я не вижу разницы между этим и другими случаями. Человек бежал из Иностранного легатона.

Плотник молчал.

Капитан гребными шагами ходил взад-вперёд по палубе. Доски скрипели под его ногами.

Я поднялся ещё на ступеньку. Это было ошибкой с моей стороны. Капитан заметил меня.

— Поднимись, — сказал плотник.

Я увидел людей сквозь тусклый жёлтый свет, который проникал из шатровой каюты.

Плотник стоял у двери, сохраняя спокойствие; рядом с ним — Мак. Завидев меня, Мак смущённо отвернулся и начал разглядывать ярко освещённый котелок компаса.

— Беглый легионер! — негодовал капитан. — Разве вы не знаете, чем это пахнет? Французской полицией, возможно, даже военно-полевым судом, арестами, допросами или морским трибуналом.

— Я вынужден был посторониться, чтобы пропустить разъярённого капитана.

— Именно поэтому, — твёрдо сказал плотник.

Капитан обернулся:

— Что означает это дурачество?

— Я потому помог этому человеку, что он предпочёл бежать, нежели воевать во Вьетнаме.

Внезапно капитан спросил Альфа:

— А вы, вы тоже ему помогли бы?

— Да, — отчётливо прозвучал ответ Альфа.

Капитану доставило злобное удовольствие продолжать расспросы.

— А вы? — обратился он ко мне.

Я кивнул утвердительно.

Ваглянуд на Мака, капитан сказал:

— Слава богу, наконец нашёлся хоть один благоразумный парень!

— Если бы я знал, — медленно отчеканил Мак, — что человек в трюме — легионер, бежавший из Иностранного легатона, я бы вас не позвал, капитан.

— Проклятие! Видимо, вы спорились, хотите втянуть меня в историю! — выкрикнул капитан.

Это превосходило его понимание. Он думал только о предстоящих ему неприятностях с береговой волицией.

— Хорошо, — отрывисто сказал он, — пусть сидит под замком до Марселя. А там я передам его полиции. Вы отвечаете мне за него, вы, француз!

Все молчали. Плотник подошёл к трапу, спустился вниз; вслед за ним — мы.

Молча прошли мы на палубу до кубрика и направились к своим койкам.

— Мак! Ты правду сказал капитану? Ты помог бы легионеру, если бы знал, кто он? — спросил плотник.

— Да, — ответил Мак; подняв глаза, он увидел, что я с недоверием смотрю на него, и попытался объяснить нам свой поступок: — Я думал, он бездельник, бродяга...

— Некоторые из вас ещё не понимают, что такое организованная

борьба, — сказал плотник. — Не надо чуть что бежать с докладом к капитану. Иногда не знаешь, что мог спрятаться. В плохую историю ты втянул нас, Мак.

— Я его досталю в Неаполе на берег, — ответил Мак.

— Лучше не вмешивайся в не своё дело и поступай, как я тебе скажу. — Плотник был мрачен.

Мы вышли на ют. Мак открыл дверь в свою каюту. Луч света вырвал из темноты его смущённое лицо.

— Только не действуйте опрометчиво, — сказал плотник. — Мак ещё не прописан нашей дисциплиной. — И тут же прибавил: — Пошли в трюм.

Наш пассажир сидел, прижавшись к ящикам.

Когда мы вошли, он спросил:

— Меня выдают полицией?

Плотник качал головой:

— Если всё удастся, то нет. Не распускай нервы, они тебе ещё понадобятся...

Человек доверчиво слушал, но сомнения не покидали его.

— Этого требует капитан? — спросил он.

Плотник строго посмотрел на него, словно хотел что-то уснить себе, проникнуть в душу этого человека.

— Тебе нечего бояться... Ты не один, — мягко прибавил плотник, — ни на корабле, ни на суше.

Человек медленно опустил голову.

И капитан, — продолжал плотник, — и те, что за тобой будут охотиться на суше, несметно на все их происки, слабее тебя. Завтра мы прибываем в Неаполь. Ночью мы доставим тебя на берег. Я дам тебе адрес итальянских товарищей. Скажешь им, чтобы они известили меня.

Спокойная уверенность, с какой говорил плотник, дохнула в беглеца надежду и доверие.

Я оставил их влюбив и пошёл в темноту на палубу.

Любуясь морем, я смотрел, как наш корабль оставал после себя торсионные, лёгкие волны. Они курчавились, пеннись и постепенно ослабевали, скрываемые темнотой моря и ночи.

Вечером мы встали на рейд вблизи Неаполя. Капитан очень торопился прийти в Марсель пораньше. Бранис и подгоня команда, он суетился на палубе. Мы открыли все люки, но докеры не пришли разгружать корабль. Они бастовали.

Мне надо было смазать вентиляторы. Плотника нигде не было видно. Я беспокоился, удается ли беглецу сойти на берег, потому что трапы охранялись агентами береговой полиции. У последнего вентилятора мне пришлось задержаться: заволо трос, и я поранил себе руку. Когда я наконец справился с работой, на палубе не было ни души.

В капитанской каюте горело электричество. Квадрат света падал на палубу. Я пересёк светлое пятно. Доски будто звенели у меня под ногами.

Варуг на корме я заметил чёрную фигуру. Я прибавил шагу. Это был Альф. Он стоял у поручней и смотрел в воду.

— Выгляни, — сказал он.

В глубине воды я увидел шкентель плавающего кавата. Он шёл из иллюминаторов трюма. О борт корабля плескалась чёрная вода Неапольского порта.

Альф широко жестом указал на воду:

— «Человек за бортом!» — Потом рассмеялся отрывистым смехом: — Ты полудур! Мак отдал ему свой самый лучший костюм! Теперь Мак не придёт его больше стирать!

Смех Альфа был не дышя иронии, но сквозь иронию слышались нотки удовлетворения.

— А где наш корабельный плотник? — спросил я.

Альф многозначительно ответил:

— У капитана. Всё в порядке.

Мне стало тепло и радостно.

Ночное небо усеяно звёздами, они мерцали, как бы подмигивая сверху огням города, которые мирно отражались в воде.

Перевела с немецкого
Л. ЛЕНЧЕВА

РАССКАЗЫ О СЕВЕРЕ

СВЕТ НАД ЯРАНГАМИ

«— Да, когда-то было так — шинула головой старик... Чему мужчина научился за жизнь, он стал рассуждать только так!»

— Почему так было, ты не скажешь мне, Эдуард?

— Тогда не было колхозов, надежды жить в тундре заболотилась только о себе.

— Если бы тебя попросили молодые охотники, ты рассказал бы им, как надо охотиться? Нет, это ты думаешь, что и стал бы охотиться? Неделю мы все жили в колхозе. Если я один буду добывать много пушнина, а другие охотники мало, значит, труднее нам всем. Вот как и считали, Кымуриги.

На собрании в день открытия электростанции в поселке колхозно-охотничьи решили послать товарищу Сталину письмо, под которым первым поставит свою подпись лучший охотник тундры. Это большие деньги пушнина государству. Но избранный выходит неохотно. Соревнования выходят поводом. Не молодой охотник считает, что было слишком об обязан старому Эдуарду, который передал ему свой опыт. Он против, чтобы Эдуард первым подписал свою подпись под письмом к Сталину. Эдуард, который принес в тундру счастье, не будет явистся в сердце охотника. Этот охотник уступает свой прав на Эдуарда.

«Свет над Ярангами» — первая книга Юрия Шапурин. Она говорит о том, что у молодого интеллигента есть социальная ответственность. Знание Севера, проникновенное изображение в целом

риде рассказов психологию советских людей, спутной, но выразительный язык — вот лучшие черты его дарования.

Но Ю. Шапурину необходимо строже, требовательнее относиться к себе, настойчиво совершенствовать свой мастерство. В собрании, и совместно, есть несколько рассказов о надуманных, примитивных сюжетами, с искусственными впечатлениями и сравнениями. Даже в удачных рассказах встречается неправдоподобие. Например, трудно поверить, чтобы вездеход, вооруженный одной дробинкой, мог обратиться в бегство стаю волков (рассказ «Огонь в яране»).

Не всегда Шапурин рисует своих героев во всей сложности их внутренних взаимоотношений. Только в рассказах «Огонь в яране», «Дочь Инюгорга» и «Альбом выгул» говорится о семье и быте, тогда как герои других рассказов называются только в тундре.

Автору следует отказаться от неточных, избыточных и противных сравнений, таких, например, как «мысли бродили в голове, как выплывавшие в тундре олени», «кривые ноги пахо держали выдохшие, словно лезавая колода, тело».

Но, несмотря на отмеченные недостатки, в целом книга «Свет над Ярангами» представляет самолюбивую работу и духовную красоту советских людей — тружеников Крайнего Севера.

Д. РОМАНЕНКО

МОЛОДЕЖЬ БАСИНЫ

Басин, один из древнейших жанров литературы, успешно развивается в наши дни.

Среди старшего поколения советских баснописцев следует назвать прежде всего С. Михалкова. Его лучшие басни — несомненно выдающиеся произведения этого жанра. Известны бы басни поэтов Н. Мизина и А. Малина, а также Ю. Яковлева и И. Рослова — учеников поэта Г. Цанды, белорусского поэта Н. Корбины.

Весь час обращается к басне и молодая поэзия. Отдельными баснописцами являются поэты И. Шабурин, В. Городе, Фрунзе издают «Басни и фельетоны» Я. Землякина.

В Басинх эти поэты утверждают дыхание современности: темы их актуальны, герои — положены в их основу, достоверны. Многие басни удачно построены и дополнены их авторским изобретением материала.

Значительное место в творчестве молодого донецкого поэта И. Шабурин занимает басня на тему. Но больше всего ему удаются басни на международные темы. Они построены на ярком и оригинальном материале. Значительно место в творчестве молодого донецкого поэта И. Шабурин, В. Городе, Фрунзе издают «Басни и фельетоны» Я. Землякина.

Басня Шапурин «Восточная Голландия» — удачная сатира на современных лавонозских баснописцев. В рассказе — остроумно метко поэт намрисован Гориллы — расписывается вкратце

Я Павел Шапурин «Басни», Сталино, областное издательство, 1951.

Я Эдуард Землякин «Басни и фельетоны», Барнаулгосиздат, 1950.

В басне «Неизвестная Шапурин» разоблаচিত закулисные махинации американских политических гаитистов — Агуа, а также в период производства. Басни Шапурин выставляют своим наглядным явлением, в частности, в сущности, бевольных маринистов — Цук.

Молодым авторам следует помнить для сатиры и перенятии приемы старших мастеров. Многие писцы разоблачают бездушных формалистов, критиков-розкошителей, угнетателей прогрессивной молодежи и т. д. в чисто литературных «Плавнях» Шабурин, П. Шабурин, С. Шабурин и Карандина, «Взай-попы», переработки и переработанных художественных произведений («Поиски»).

Наряду с интересными политическими наблюдениями, запоминающимися строками в книгах молодых баснописцев есть и серьезные недостатки. Порой авторы отклоняются от правильного пути, начинают некритически относиться к старой басенной форме, механически переносить на нее анализ, известные ситуации и темы. Это проявляется на баснях П. Шапурин «Васильева», «Свет над Ярангами», «Васильева и Колеба», «Вурдунд и Крог», «Земляки Шапурин», «Неизвестная басня П. Шапурин». В художественном отношении еще больше внимания анализ поэтоту басни «Лес и Суховей» поэтоту не удалась. Здесь автором использовано приращение анализа, а именно основанном для морали, в которой поэтоту не удалось придать формулу басни «Лес и Суховей» поэтоту не удалась. Здесь автором использовано приращение анализа, а именно основанном для морали, в которой поэтоту не удалось придать формулу басни «Лес и Суховей» поэтоту не удалась.

В некоторых баснях молодых поэтов заметно сильное влияние подчас и произвольное обращение к вымышленным персонажам, которые никогда не следует забывать, что аллюгория должна иметь свои определенные черты.

Аллегория в басне не может быть лишней — высылочной. В этом случае она становится расплывчатой и, переносимая на одной басне, не отличается в туманное искажение, о реальном содержании которого бывает трудно догадаться. В этом убеждают некоторые басни Я. Землякина. Басня «Аллегория» отличается на основном удачно. Аллегория ее лиры: американская типичная Генетт, французская Лицца, британский Болд, отступивший от своей линии — немощный Гур, который никак не подает между собой императрицы. Мысль автора, что «скорее перегрызется все свора», но тут в басне «Генетт, Крыс, Крог, Мадера» является опыт как будто то же Генетт. А кто же такой Крог, кто тачие Мыши, которых он должен «глотать, втащить», кто тачие Крысы, которых он должен «глотать попой» — неизвестно.

За свою многовековую историю басня прошла путь от дидактической, нравоучительной сентенции до современной, острой, острой и метко разлившей басни-фельетона.

Баснописцы — предшественники Крылова — в основном не выходили из традиций баснописцев, которые превращают Крылову принадлежат бесмертная заслуга создания сатирической баснописцев, что придавало этому жанру большую общественную значимость.

После Крылова басенное творчество находилось производительным путем в состоянии застоя.

Васню возродил и восстановил в правах Давидан Ведный, наполняя ее новым, политическим содержанием.

Человек, которому принадлежало поэту сатиру был лучший, талантливейший поэт советской эпохи Г. Галицкий.

Молодые баснописцы должны научиться учиться у великого мастера — писателя советской и у своих старших товарищей, в частности у Г. Галицкого и Г. Галицкого. Хотелось бы пожелать им большей смелости в критичности, в поисках новых, оригинальных манере, в стремлении к более высокой морали, к более басенную мораль, сделать ее афористичнее и обобщеннее, быть для нас истинными мастерами политического действительного материала.

Г. ГАЛИЦКИЙ, В. КОТЛЯРЕНКО

О МУЖЕСТВЕ И ГЕРОЙСТВЕ

Герои знамениты великодушием, а звери лютостью.

Пётр I

Смерть бежит от сабли и штыка храброго, счастье венчает смелость и отвагу.

А. В. Суворов

Непобедимо воинство русское в боях и неподражаемо в великодушии и добродетелях мирных.

М. И. Кутузов

Да разве найдутся на свете такие осы, мухи и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!

Н. В. Гоголь

Храбрость составляет одно из достоинств человека, особенно важное во время войны, но человечность всегда и везде, в войне и мире, есть высшая добродетель, а вместе достоинство человека.

В. Г. Белинский

Трудность борьбы увлекает упрямый характер.

М. Ю. Лермонтов

Вспомни величавый образ Святослава, храброго, деятельного, разделяющего с подданными все труды и недостатки, заботящегося о богатстве земли своей, замирающего: «Не посрамили земли русския — лжемь хостми твои». Вспомни и познейшее изображение князя Игоря в «Слове...» и он, подобно древним князьям, является храбрым и деятельным; он сам

идет во главе своего войска в чужую землю, чтобы отомстить за обиду земли русской; он не смущается перед опасностями и говорит: «Лучше погнаться бити, ниже пленочену быти».

Н. А. Добролюбов

Решительный человек опирается на своё мужество, как на гранитную скалу.

Н. В. Шегунов

Когда человек любит подвиг, он всегда умеет их сделать и найдёт, где это можно. В жизни... всегда есть место подвигам.

М. Горький

Трус в нашей стране — это презренное существо.

Н. А. Островский

Мужество рождается в борьбе. Мужество воспитывается изо дня в день в упорном сопротивлении трудностям. И девиз нашей молодёжи — это мужество, это упорство, это настойчивость, это преодоление всех препятствий.

Н. А. Островский

Герой — это человек, который в решительный момент делает то, что нужно делать в интересах человеческого общества.

Юлиус Фучик

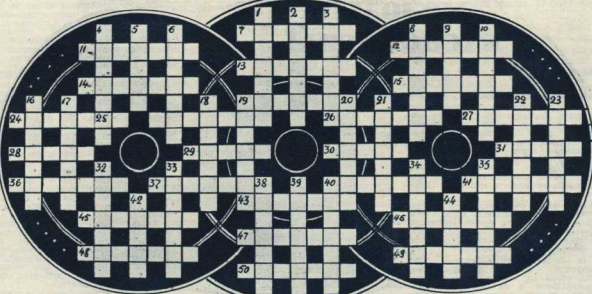

СМЕНА
В номере:

- Д. Смирнов — Лица Губерия.
- Николай Столяров — Молодёжь советской рабочей.
- Игорь Кобяев — Рекомендация.
- В. Тендряков — Выставка старинных Соловьёва.
- Николай Перевалов — Машинка. Мать-чирюха.
- Георгий Димитров.
- Людмила Стефанова — Горные цветы.
- Юрий Очаковский — Молодёжь на Бакалин.
- А. Морозов — Высокие спорты.
- Анна Ковусов — На путях боковых...
- В. Котиков — В нашем Доме культуры.
- А. В. Алпатов — Наши олимпиады.
- И. Фельдбах, А. Рауман — Тартуский университет.
- В. Дитякин — Кари Паоловичи Бродяжки.
- В. Пухлячёв — Рассказы Николая Бабина.
- Н. Мизани — Национальный юбилей.
- Н. Дарин — Они будут мастерами на воду!
- Вёсла на воду! Фотоочерк Н. Волкова и В. Каменкова.
- А. Кулишов — Современные гладышеры.
- Валдаход — Индия плачет.
- Юрген Ленц — Человек в трамвае.
- Д. Романович — Рассказы о Севере.
- Г. Галичкин, В. Котляренко — Молодые бакинские...

КРОССВОРД

Составил В. Шматко (г. Горький)

По вертикали:

1. Автор книги «На главном направлении».
2. Советский писатель.
3. Автор пьесы «Человек с ружьем».
4. Русский писатель.
5. Изобретатель трёхлиннейной винтовки.
6. Русской коммунист.
7. Путешественник и исследователь Центральной Азии.
8. Литовская поэтесса.
9. Советский писатель.
16. Предводитель крестьянского восстания.
17. Советский артист.
18. Народный герой.
19. Русский мореплаватель.
20. Престя-

нин, построивший первую «подвижную», то есть воздушную, лодку.

21. Создатель первого в мире электрического привода и стигну.

22. Отец русской физиологии.

23. Русский изобретатель-самоучка.

32. Русский певец.

33. Русский учёный-артиллерист, впервые предложивший способ повышения сопротивляемости стальных снарядов.

34. Конструктор танков.

35. Автор романа «Искра».

36. Герой Великой Отечественной войны.

39. Советский писатель.

40. Русский художник.

42. Автор текста «Интерна-

ционала».

44. Советский поэт.

По горизонтали:

7. Советский коммунист.
11. Русский полководец.
12. Молодогвардеец.
13. Герой Советского Союза.
13. Первый русский исследователь Америки.
14. Автор пьесы «Степан Разин».
15. Русский фотоматрикс.
24. Организатор экспедиции на Новую Землю.
25. Преобразователь природы.
26. Русский поэт.
27. Прославленный лётчик.
28. Укра-

инский поэт.

29. Изобретатель тракторной тележки с нефтяным двигателем.

30. Русский учёный-физик.

31. Автор романа «Первые радости».

36. Первоочечник.

37. Один из основоположников передачи энергии на расстоянии.

40. Автор романа «Золото».

41. Капитан ледохода «Седок».

43. Советский учёный-физик.

45. Русский хитрук.

46. Советский академик.

47. Конструктор самолётов.

48. Основательница советской антропологии.

49. Маршал Советского Союза.

50. Председатель Советского комитета защиты мира.

На первой странице обложки: Иппонери. Фото А. Моклецова.

На четвёртой странице обложки: На лодочной станции. Фотохуд В. Игнатовича.

Формирование номера В. Урина.

Редакция: В. Ашев, Г. Гуля, Е. Долматовский, Н. Жуков, О. Кокузов, М. Лукин, А. Никонов.

Ответственный редактор — А. Баранов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24.

Тел. ДЗ-3424.

А 03119.

Подписано к печати 5/VI 1952 г. Завяз № 1343.

Тираж 120 000 экз.

Изд. № 480.

Формат бумаги 70x108/16, 1,37 бум. л. — 4,80 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Блоховоды

